

ПРАВДА ПОЛЯКАМЪ О РУСИ.

(По поводу новой статьи въ *Revue Contemporaine*).

Добре речешъ, та въ громаду не беруть.

Народная пословица.

Въ началѣ нынѣшняго года намъ пришлось опровергать недобросовѣстные выходы *Revue Contemporaine*, писанныя подъ влияніемъ узкаго польскаго патриотизма, который имѣетъ въ виду не современныя потребности и дѣйствительно-осуществимыя надежды своей націи, а утѣшается мечтами о возвращеніи былаго, въ настоящее время невозвратимаго, потому что сдѣлалось анахронизмомъ, несообразнымъ съ современными понятіями о народныхъ правахъ. Въ октябрьской книжкѣ того же журнала нынѣшняго года напечатана однимъ Полякомъ статья (*lettre d'un Polonais*) подъ названіемъ: «*La vérité sur l'esprit russe*». Она направлена противъ всѣхъ Русскихъ, которые осмѣлились бы заявлять, что во всякое время, во всякомъ случаѣ, при всякомъ возможномъ измѣненіи обстоятельствъ, управляющихъ судьбами Русской Земли, притязанія Поляковъ на принадлежность имъ юго-западныхъ русскихъ областей, возбуждаютъ негодованіе и противодѣйствіе всего русскаго народа. То же, какъ и прежде, наглое извращеніе исторической истины, тѣ же іезуитскія увертки, умышленное невѣдѣніе общензвѣстныхъ событій, насильственные сближенія и распространенія; тѣ же, однимъ словомъ, замашки бесильной злобы, пустаго хвастовства и суетнаго высокомерія. Мы никакъ не хотимъ считать такихъ произведеній голосомъ всей вообще польской націи, какъ нѣкоторые у насъ позволяютъ себѣ смотрѣть на нихъ; мы почитаемъ ихъ дѣломъ партіи, для которой истина не имѣетъ святости, дѣломъ тѣхъ, которыхъ узкому разсудку кажется возможнымъ дать выигрышъ своимъ политическимъ видамъ,

посредствомъ наущенія тумана въ Европѣ, мало знакомой съ частностями исторіи славянскаго сѣвера. Ихъ надежды напрасны, потому что опираются на лжи, а *брежнею*—говорить наша пословица—*світъ прійдеши—та назадъ не вернесся.*»!

Мы не станемъ шагъ за шагомъ опровергать эту статью, ибо авторъ не знаетъ, или притворяется, что не знаетъ азбуки—русской и своей, польской—исторіи. Мы укажемъ только на особенно—разительныя выходки единственно для того, чтобы наши земляки знали, какую паутину плетутъ для нихъ эти *паны-ляхи*, которые либо насъ считаютъ невѣждами и простаками, способными попасть въ нее, либо сами такъ невѣжественны и простоваты, что эта искусственно—сплетенная паутина имъ кажется чѣмъ—то крѣпкимъ.

Ссылаясь на какихъ—то премудрыхъ своихъ историковъ, доказавшихъ, между прочимъ, не-славянизмъ Москалей (ктожъ это? ужъ не Мицкевичъ ли—такой же плохой историкъ, какъ великій поэтъ), авторъ *Письма* увѣряетъ, что между названіемъ Русскіе и Русины (*les Russes et les Ruthènes, en polonais Roussini*)—большая разница, и что имя Русиновъ издревле служило названіемъ народа, находившагося подъ властію Поляковъ, и всегда добровольно стремившагося къ слитію съ польскимъ; Москвитянь онъ признаетъ народомъ другаго—отличнаго—племени, враждебнымъ Русинамъ; говорить, что отъ Московитянь Пясты и Ягеллоны защищали Русиновъ оружіемъ, и что эти Московитяне, назвавшись русскими, навязали Русинамъ свою вѣру, языкъ и національность (*).

Авторъ съ умысломъ не обозначаетъ положительно, къ какому времени относится такое положеніе дѣла, но упоминаніе о Пястахъ и Ягеллонахъ даетъ намъ право видѣть, что все это признается суще-

(*) Vous trouverez partout le mot *Ruthènes* (en polonais *Russini*), employé pour désigner une nationalité alliée et soumise à la Pologne, vivant de la même vie et cherchant à se confondre avec elle, et vous ne trouverez nulle part les mots de *Russes* et de *Russie*. Y a-t-il, oui ou non, une distinction entre ce qui a toujours existé et ce qui est complètement inconnu? Il y avait bien des *Moscovites*,—les chroniques en parlent souvent,—mais comme d'une race à part et toujours ennemie. L'élément Slave était encore dans toute sa virginité. Qui eût songé à l'époque, où régnaient chez nous les Piasts et les Jaguillons, à défendre les *Ruthènes* autrement, que par les armes contre les empiétements de leurs voisins les *Moscovites* et il ne serait venu à l'idée de personne qu'un jour viendrait où ces mêmes *Moscovites* s'appelleraient *Russes*, pour imposer à des *Ruthènes* leur foi, leur langue et leur nationalité.

ствующимъ съ древнихъ временъ до половины XVI в., когда прекратился домъ Ягеллоновъ. Здѣсь все ложно. Пясты не могли защищать Русиновъ отъ Москвитянъ, потому что при Пястахъ имени Москвитянъ не было и быть не могло. Слово *Московія* образовалось тогда, когда московское великое княжество покорило восточныя и сѣверныя русскія земли и составило единоедержавное государство. Никакія хроники того времени не упоминаютъ о Москвитянахъ и не могли упоминать о томъ, чего на свѣтѣ не было. Если что въ тѣ времена было совершенно неизвѣстно (*complètement inconnu*), такъ это имя Москвитянъ.

Но полюбоемся нашимъ *сочинителемъ*.

«Русь всегда была и теперь остается родовымъ именемъ для областей, которыя отъ Карпатскихъ горъ простираются на сѣверо-западъ до Днѣпра и Двины и даже за Двину. Была Русь Бѣлая, Русь Червоная, Русь Малая. Обитатели этихъ областей назывались *Русины*, по-латинѣ изъ этого слова сдѣлалось *Рутены*. Но это не имѣетъ ничего общаго со словомъ *Россія* новаго изобрѣтенія. Первый Петръ Великій окрестилъ Москвитянъ именемъ Русскихъ. Прежде того Москвитяне были Московитянами и не помышляли быть чѣмъ-нибудь другимъ. Екатеринѣ II принадлежитъ заслуга, что она увидала всю пользу, какую можно извлечь изъ этой подмѣны. Она схватила за эту идею; благодаря же друзьямъ ея энциклопедистамъ, стало возможно ввести слово *Россія* (*Russie*) во французскій языкъ и чрезъ то сдѣлать употребительнымъ. Они съ такимъ усердіемъ повели свое дѣло, что успѣхъ превзошелъ собственныя ихъ ожиданія. Слово пошло въ обращеніе съ вариантомъ—*всероссійскимъ*. Вотъ точная истина. Слово это, какъ видите, родилось съ первыми притязаніями и съ нимъ распространилось. Оно осталось въ дипломатическомъ словарѣ, какъ иронія надъ исторіей (*), какъ вызовъ на брань къ потомству.»

(*) *Rus* (lisez *Rous*) a toujours été et est encore le nom générique des provinces, que des monts Carpathes s'étendent vers le nord—est jusqu'au Dnieper et la Dwina et même au delà (т. е., на сколько нужно автору, для своихъ видовъ, растянуть или укоротить эту границу). Il y avait une Rus Blanche, une Rus Rouge et une Petite Rus. Les habitants de ces provinces s'appelaient et s'appellent encore *Roussini*, dont on a fait jadis le mot latin *Rutheni*. Mais cela n'a rien de commun avec le mot *Rossya* (*Russie*), de facture toute moderne. C'est Pierre le Grand le premier, qui baptisa les Moscovites du nom des *Russes*. Avant lui les Moscovites n'étaient que des Moscovites et ne songeaient

Авторъ знаетъ нѣсколько *Русей*, но очевидно игнорируетъ Великую Русь... не можетъ же быть, чтобы онъ ея не зналъ. Что не Петръ выдумалъ имя Россіи, пусть заглянетъ этотъ авторъ въ безчисленное множество предыдущихъ актовъ, гдѣ найдетъ титулъ царей—при Алексѣѣ Михайловичѣ, послѣ присоединенія Малороссіи: *всѣя Великія и Малыя и Бѣлыя Россіи*, а прежде: *всѣя Россіи*; въ болѣе древнія времена *всѣя Руси*: такъ именно писалъ еще въ XIV в. князь Симеонъ Ивановичъ. Имя Руси еще въ XI и XII в. употреблялось въ двухъ значеніяхъ: въ тѣсномъ для кievской земли, въ обширномъ для всего материка, состоявшаго въ одной удѣльной федераціи, подъ управленіемъ князей Рюрикова дома. Въ этомъ смыслѣ нашъ первоначальный лѣтописецъ, перечисляя славянскіе народы, жившіе на этомъ материкѣ, говоритъ *се токмо словенскъ языкъ въ Руси*. Слова *Русь*, *Русскіе*, въ этомъ обширномъ значеніи для всѣхъ жителей славянской Россіи, употреблялись всегда и внутри Русской Земли, и внѣ ея иностранцами, когда дѣло шло о внѣшнихъ сношеніяхъ. Такъ, нѣмецкіе лѣтописцы, говоря о войнахъ Ордена и Шведовъ съ Новгородцами и Псковитянами, называютъ ихъ Русскими. Говоря о томъ, что, въ исходѣ XIII столѣтія, ханъ Батый сдѣлалъ князя Ярослава старѣйшимъ между князьями, лѣтописецъ выражается такъ: И рекъ ему: *Ярославе, буди ты старѣй всѣмъ княземъ въ русскомъ языкѣ* (Лавр. Лѣт., 201). Очевидно, здѣсь русскимъ языкомъ лѣтописецъ называетъ совокупность племенъ, составлявшихъ нѣчто цѣлое, подъ общимъ именемъ Руси, Русскихъ, и въ этомъ числѣ восточную, т. е. великую Русь, гдѣ княжилъ Ярославъ. Въ XIV вѣкѣ, когда начала Москва брать первенство надъ удѣлами, восточная Русь, по отношенію къ иноплеменикамъ, называлась Русскою Землею. Когда Мамай собирался идти на Димитрія, онъ, по извѣстію лѣтописца, говорилъ: *пойдемъ на русскаго князя и на русскую землю* (Воскр. ст. 34), а не на московскаго князя и

pas à être autre chose. L'impératrice Catherine eût le mérite de voir tout le darti, qu'on pouvait tirer de cette substitution. Elle s'empara de l'idée, elle la développa. Ses amis les encyclopédistes furent chargés d'introduire le mot de Russie dans la langue française afin d'en saisir l'opinion. Et comme ils n'avaient rien à lui refuser, ils le firent de si bonne grâce, que le succès dépassa leur attente. Le mot fût mis en circulation avec le variant *de toutes les Russies*. Voilà l'exacte vérité. Le mot, comme on le voit, est né avec les premières prétentions et il s'est étendu avec elles. Il est resté dans le vocabulaire diplomatique comme une ironie à l'histoire et un défi à la postérité.

не на *московскую* землю. Точно также, при описаніи нашествія Тохтамыша на Москву говорится: *злое пришествіе на русскую землю* (Воскр. 42), а не на *московскую*. Не станемъ нагромождать другихъ подобныхъ указаній: и этого довольно, чтобы видѣть, какъ лживо мнѣніе, будто Петръ (а иные говорятъ даже—Екатерина) навязали Москвитинамъ имя *Русскихъ*. Имя—*московская земля* имѣло значеніе, по отношенію къ сосѣдямъ, такъ же Русскимъ, какъ и въ московскомъ государствѣ, а въ послѣдующее время, означало русское государство, имѣвшее столицу въ Москвѣ, въ отличіе отъ другаго русскаго государства — литовскаго великаго княжества. Слово *Москвитяне* было совершенно неизвѣстно у насъ; нѣсколько сходное съ нимъ было названіе *Москвичи*, но оно означало жителей города Москвы—и въ самомъ обширномъ смыслѣ—ея земли, ея пригороды, но никогда не имя великорусскаго народа. Никто бы не называлъ Суздальцевъ, Владимірцевъ, Нижегородцевъ—Москвичами, но всѣ равно звались Русскими. Очень характеристично высказалось значеніе русскаго и московскаго государства въ смутную эпоху: тогда московское государство отличалось отъ великороссійской державы. Первое было видѣть, часть послѣдняго, что, напримѣръ, видно изъ такихъ выраженій: *Великія Россійскія державы Московскаго государства*. (Акт. Арх. Э. N 256, 262). Тогда существовало понятіе о новгородскомъ государствѣ (Акт. Арх. Э. N 268 318), о казанскомъ государствѣ (328); съ московскимъ вмѣстѣ они составляли одно Россійское государство (269) или Россійскую державу. Царь потому и назывался царемъ всея Руси, а не московскимъ, что дѣйствительно управлялъ не одною московскою землею, но и другими. Уже владѣя, напримѣръ, Владиміромъ или Бѣжецкомъ или Бѣлозерскомъ, онъ не былъ московскимъ государемъ, а русскимъ.

Обращаясь къ церковной сторонѣ прошедшей русской жизни, авторъ говоритъ:

«Вы знаете, что съ XVI вѣка русская или, скорѣе, московская церковь возымѣла поползновеніе къ независимости. Это поползновеніе возрастало мало-по-малу, и вы теперь уже совершенно оторвались отъ восточной церкви... Если для насъ, католиковъ, греческій обрядъ не болѣе какъ расколъ, вы, говоря исторически—протестанты раскола, вы—малый расколъ въ большомъ. Что же значить это имя православія, которымъ вы рисуетесь, при всякомъ случаѣ, и въ чемъ его значеніе? Западные протестанты (подобно отдать имъ справедливость) никогда не

претендовали на званіе православныхъ: откуда же такіа притязанія у восточныхъ протестантовъ (*)?»

Этотъ странный для насъ, русскихъ взглядъ, пояснится нѣсколько, если примемъ во вниманіе, что авторъ—католикъ и смотритъ на нашу церковь подъ угломъ римско-католическаго воззрѣнія. Для паписта все, что вышло изъ подъ власти папы есть не только расколъ, секта, но даже какъ-бы недостойно называться истиннымъ христіанствомъ. Единство іерархіи считается на равной степени съ единствомъ догматики. Авторъ воображаетъ, что тотъ же духъ, тѣ же основанія и въ восточной церкви,—что не желая подчиняться папѣ, она имѣетъ своего папу и этого папу авторъ видитъ, кажется, въ константинопольскомъ патріархѣ. Зная, что великорусская церковь находилась отъ него въ зависимости, а въ концѣ XVI вѣка вышла изъ подъ этой зависимости и получила своего патріарха, но не зная и, можетъ быть (судя вообще по тону всей статьи), игнорируя обстоятельства, сопровождавшія это событіе, авторъ представляетъ его въ такомъ видѣ, будто бы великорусская церковь, по неудовольствію, оторвалась отъ патріаршей зависимости и поставила себя въ положеніе, подобное протестантскому. Но восточная церковь никогда не признавала такого видимаго главы, или единачо начальника, какого признаетъ у себя западная. Патріархи: Константинопольскій, Антиохійскій, Александрійскій и Іерусалимскій считались равными между собой, каждый въ своей части, а отношенія и предѣлы ихъ управленія устанавливались соборами; іерархическія положенія не имѣли абсолютной важности догмата и, смотря по потребностямъ, границы ихъ могли измѣняться съ общаго согласія. Единство церкви этимъ не нарушалось. Такимъ-образомъ, въ концѣ XVI вѣка, по общему согласію всѣхъ патріарховъ, великорусская церковь, входившая прежде въ константинопольскую діоцезію, получила самостоятельное управленіе; въ Москвѣ

(*) Vous savez, que dès XVI siècle l'Eglise russe, ou plutôt l'Eglise moscovite eut des velléités d'indépendance. Ces velléités grandirent petit à petit et aujourd'hui vous êtes complètement détachés de l'Eglise d'Orient.—Si pour nous, catholiques, le rit grec n'est qu'un schisme, vous n'êtes, historiquement parlant, que les protestants de schisme, le petit schisme dans le grand. Or que vient faire ce mot d'orthodoxie, dont vous faites parade à tout propos et quelle peut être sa signification? Les protestants d'Occident (c'est une justice à leur rendre) n'ont jamais prétendu être orthodoxes; d'où vient cette prétention aux protestants d'Orient?

учреждено патриаршество и патриархъ признанъ равнымъ прочимъ четыремъ вселенскимъ патриархамъ. Съ тѣхъ поръ, имѣя свое управленіе, независимое отъ вселенскихъ патриарховъ, великорусская церковь сохраняла строгое и полное единство съ восточною: важныя дѣла рѣшались по совѣту съ восточными патриархами, самая тѣсная нравственная связь неослабно поддерживалась съ христіанскимъ востокомъ. Замѣна званія патриарха, коллективнымъ учрежденіемъ Синода, совершилась при Петрѣ Великомъ, съ согласія восточной церкви. Синодъ признанъ восточными патриархами какъ бы однимъ лицомъ братомъ патриарховъ. До сихъ поръ, не только въ догматахъ и въ законоположеніи, но и въ церковномъ чинѣ богослуженія, церковь русская не допускала существенныхъ перемѣнъ, которыя бы не признавались восточною и считались ей противными. Церковь русская не протестовала никогда ни противъ чего, что принимала восточная, какъ равная и восточная не выражала неодобренія чего-нибудь такого, что вводила русская церковь. Полнѣйшее согласіе и единство съ христіанскимъ востокомъ ненарушимо существуетъ у насъ до-сихъ-поръ; Русскій на востокъ молится въ церкви точно такъ же, какъ и въ своей на Руси; пріѣзжающіе къ намъ съ востока вступаютъ въ наши храмы съ одинакимъ благоговѣніемъ и ничѣмъ не соблазняются. То, что говоритъ польскій авторъ—есть совершенная ложь—и если это не слѣдствіе умышленной злонамѣренности, если въ самомъ дѣлѣ авторъ думаетъ такъ, какъ говорить, то нельзя не удивляться той изумительной наглости, съ какою онъ, круглый невѣжда въ общенвѣстныхъ данныхъ исторіи, (каковы сущность восточной церкви и отлічіе ея отъ западной), рѣшился выступить въ печать и взять на себя роль объяснителя важныхъ историческихъ вопросовъ, имѣющихъ великое современное значеніе.

До-сихъ-поръ мы приводили мѣста, касающіяся болѣе Великой Руси; теперь взглянемъ, что говоритъ авторъ, собственно о Южнорусской народности.

«Национальность Русиновъ, также какъ и ихъ языкъ, и теперь тѣ же, чѣмъ были прежде: безъ особенности, безъ опредѣлительнаго характера въ исторіи. Она никогда не будетъ ничѣмъ другимъ, какъ только чертою (примѣтою) соединенія: это поле битвы между двумя соперничающими національностями, для которыхъ она служитъ, такъ-сказать, переходною ступенію. Ея прошедшее, ея стремленія и преданія—

все склоняетъ ее къ Польшѣ и отлучаетъ отъ московскаго элемента, который она всегда отъ себя отбивала и отвергала (*).»

Далѣе, авторъ говоритъ о нашемъ языкѣ:

«*Русинскій* языкъ отличается отъ русскаго, также какъ и національность. Этотъ языкъ скорѣе нарѣчье и почти непонятенъ для Русскихъ; по своему славянскому происхожденію, онъ имѣетъ всѣ особенности нарѣчья польскаго. Греческая азбука, введенная вначалѣ, скоро была замѣнена Кирилловскими буквами, которыя окончательно и усвоились. Письменный языкъ, такимъ-образомъ составленный, оставался въ употребленіи въ официальныхъ актахъ до конца XVI вѣка и служилъ даже для дипломовъ нашихъ королей, когда они назначались для русскихъ провинцій. Признаки его встрѣчаются въ нѣкоторыхъ печатныхъ библіяхъ и лѣтописяхъ этой эпохи. Въ началѣ XVII вѣка, латынь замѣнила почти повсюду, въ публичныхъ актахъ, русинскій языкъ и, такимъ-образомъ, онъ потерялъ ту малую долю своей оригинальности, которая у него оставалась. Онъ еще болѣе слился съ польскимъ и сдѣлался, такъ-сказать, *перевертню*, различною, смотря по провинціямъ. Этотъ характеръ его сохранился до нашихъ дней, не смотря на вторженіе московскаго элемента» (**).

Билиберда о языкѣ показываетъ въ авторѣ такого же круглаго

(*) La nationalité Ruthène ainsi que la langue est encore aujourd'hui ce qu'elle était jadis—sans individualité, sans caractère tranché dans l'histoire. Elle ne sera jamais qu'un trait d'union, ou un champ de bataille entre deux nationalités rivales, auxquelles elle sert pour ainsi dire de transition. Mais son passé, ses tendances, ses traditions, tout la porte vers la Pologne et la sépare de l'élément moscovite, qu'elle a toujours combattu et repoussé.

(**) La langue Ruthène diffère tout autant du Russe que la nationalité. Cette langue, qui est plutôt un dialecte, est à peu près inintelligible à des Russes et par son origine slave elle a tous les caractères d'un idiome Polonais. L'alphabet grec, introduit dans l'origine, fût peu de temps après remplacé par les lettres Cyrrilliques, qui furent adoptées définitivement. La langue écrite ainsi faite resta en usage dans les actes officiels jusqu'à la fin du XVI siècle et fût même employée dans les diplômes de nos rois, destinés aux provinces Ruthènes. On peut aussi la voir imprimée dans quelques bibles et chroniques de cette époque. Au commencement du XVII siècle, le latin remplaça presque partout, dans les actes publics, la langue Ruthène, qui perdit dès lors le peu qui lui restait de son originalité. Elle se confondit encore davantage avec le polonais et devint, pour ainsi dire, un patois, variant selon les provinces. Ce caractère s'est conservé jusqu'à nos jours, malgré l'invasion de l'élément moskovite.

невѣжду въ азбукѣ славянскаго языкознанія, какимъ онъ оказался въ вопросахъ церковной исторіи. Толкуя о языкѣ, онъ смѣшиваетъ три нарѣчія въ одно: славяно-церковное, западно-русское книжное и народное южно-русское. Очевидно, что такое произвольное смѣшеніе повело къ представленіямъ, которыя, по ихъ крайней нецѣлостности, опровергать нѣтъ возможности, тѣмъ болѣе, что нельзя и понять, къ которому изъ нарѣчій можно отнести то, что говоритъ авторъ, признавая существованіе только одного. Языкъ славяно-церковный былъ книжнымъ и письменнымъ языкомъ со времени введенія христіанства, но съ XV вѣка началъ брать верхъ въ письменности языкъ западно-русскій; въ него входили формы и славяно-церковнаго, и польскаго, и народнаго. Славяно-церковный языкъ не исчезалъ и послѣ; оставаясь неизмѣнно языкомъ богослуженія, онъ иногда имѣлъ по разнымъ предметамъ и сочинителямъ, предпочитавшихъ его западно-русскому, который вообще былъ въ ходу. Западно-русскій языкъ исчезъ, мало-по-малу, замѣняясь польскимъ и образовавшимся уже книжнымъ великорусскимъ; народное нарѣчіе долго оставалось за предѣлами письменности и только, такъ сказать, ненарокомъ, вторгалось въ письменный языкъ, а между тѣмъ подвергалось, незамѣтно для письма и, слѣдовательно, неуловимо для исторіи, вѣковымъ измѣненіямъ, сообразно съ обстоятельствами, дѣйствовавшими на судьбу народа. Не прежде, какъ наступила всеобщая потребность въ образованномъ мірѣ приблизиться къ живому народному образу выраженія, и оно вступило въ область письменности. Вотъ, въ главныхъ чертахъ, исторія языка нашей Южной Руси. О греческой азбукѣ, замѣненной кирилловскими буквами, мы знать не знаемъ и вѣдать не вѣдаемъ. Что касается до относительной близости къ польскому и великорусскому, то славяно-церковный и народный языки ближе къ послѣднему, чѣмъ къ первому. Сходство народнаго языка нашего съ польскимъ выражается нѣкоторыми словами и оборотами: изъ нихъ, одни, быть-можетъ, дѣйствительно заимствованы изъ польскаго, но взаимодействіемъ народовъ, соединенныхъ нѣкогда одной политической связью; другіе же, хотя сходные съ польскими, въ то же время встрѣчаются въ разныхъ мѣстахъ Русской Земли, неподвергавшихся польскому вліянію и особенно въ сѣверной Русѣ, древней Новгородской землѣ, гдѣ, вмѣстѣ со сходствомъ выговора, служатъ съ одной стороны свидѣтельствомъ о древнемъ ближайшемъ этнографическомъ родствѣ между собою южной Русѣ и славянскихъ поселенцевъ на сѣверѣ, образовавшихъ республику Великаго Новгорода, а съ другой

доказываютъ, что въ южно-русскомъ языкѣ многое, что съ перваго взгляда можно почесть слѣдствіемъ вліянія польскаго, въ самомъ дѣлѣ есть собственное древнее достояніе. Нѣтъ ни малѣйшаго основанія считать южно-русскій языкъ нарѣчіемъ польскаго уже и потому, что первый не терпитъ признаковъ, составляющихъ наглядное отличіе польскаго говора отъ русскихъ нарѣчій вообще, какъ напр. носовыхъ звуковъ, стеченія согласныхъ, смягченія шипящими и свистящими и т. п.

Имѣетъ-ли южно-русская національность *особность и определенный характеръ въ исторіи*, мы предоставляемъ судить каждому, кто сколько-нибудь знаетъ нашу исторію. Положеніе автора, будто прошедшее южно-русскаго народа, его стремленія и преданія склоняютъ его на сторону Польши и отвращаютъ отъ элемента великорусскаго, иначе называемаго московскимъ, не выдерживаетъ критики, и противорѣчитъ всему историческому ходу прошедшей жизни. Часть южно-русскаго народа въ концѣ XIV ст. была покорена оружіемъ Польшѣ, а не добровольно съ ней соединилась. Другая, въ соединеніи съ в. кн. литовскимъ составляла государство русское, какъ по характеру, такъ и по массѣ народонаселенія, и хотя въ XV вѣкѣ и въ первой половинѣ XVI, на польскій престолъ выбирались великіе князья литовскіе, но это отнюдь не давало русско-литовскому государству видъ присоединенія къ Польшѣ. Дѣйствительное соединеніе совершилось уже въ 1569 г. на Люблинскомъ сеймѣ. Съ русской стороны дѣйствующимъ классомъ народа, рѣшившимъ судьбу своего края, было одно дворянство. Уже въ XV в., князья литовскіе, будучи королями польскими, расположили высшій классъ дружелюбно къ польскому порядку, раздавая ему выгодныя привилегіи, которыми прежде пользовался высшій классъ въ Польшѣ. Когда наконецъ дошло дѣло до рѣшительнаго акта, по которому западно-русскій край долженъ былъ составить навсегда съ Польшею одно политическое тѣло, въ дворянствѣ пробудились національныя опасенія. Онѣ были заглушены не иначе какъ съ увѣренностію Русскихъ въ продолженіи своего особнаго политическаго существованія. Но въ то же время, когда вел. княжество литовское соединялось съ Польшею на федеративныхъ началахъ связи двухъ самобытныхъ государствъ, Южная Русь присоединена къ Польшѣ, какъ провинція. Въ этомъ дѣлѣ со стороны Южной Руси участвовало одно дворянство, да и то не все: и въ дворянскомъ сословіи отзывались противудѣйствіе и ропотъ. Народъ осужденъ былъ на совершенное безмолвіе. Его участь рѣшали на вѣчныя

времена, не спросившись у него, потому—что государственныя понятія не признавали за нимъ права сказать свое мнѣніе. Скоро, однако, народъ заявилъ свой голосъ и протестъ: безграмотный, неученый, онъ заявилъ его не на бумагѣ, а на дѣлѣ. Около двадцати лѣтъ предъ началомъ XVII в., уже встрѣчаются въ польскихъ конституціяхъ извѣстія о замѣчательномъ появленіи вооруженныхъ шаекъ изъ простонародья, нападавшихъ на шляхетскіе дворы и замки. Вражда народа къ дворянству и вмѣстѣ съ тѣмъ къ Польшѣ разрослась, и ея проявленія дѣлались шире и грознѣе по мѣрѣ того, какъ это дворянство, безъ спроса у народа отдавшее Южную Русь Польшѣ, стало принимать въ себя польскіе элементы и терять народность своихъ предковъ. Церковная унія и покушенія католичества на свободу древней отеческой вѣры еще болѣе раздражили народъ и даровали его противодѣйствію священное знамя религіи. Корпорация козаковъ стала зерномъ народной оппозиціи. Эта корпорация стремилась разшириться и захватить въ себя народныя силы. Польское правительство старалось удержать ее въ тѣсныхъ предѣлахъ немногочисленной пограничной стражи. Мятежи слѣдовали за мятежами. Косинскій, Наливайко, Жмайло, Павлюкъ, Остранинъ — оканчивали свои попытки неудачно, но несмотря на то, дѣло шло прогрессивно; съ каждымъ новымъ мятежемъ козацкимъ участіе народа становилось шире и знаменательнѣе; казалось, самыя несчастія возбуждали и поддерживали народныя силы,—и когда народное негодованіе созрѣло, весь народъ громаднымъ пластомъ поднялся, на всемъ протяженіи соединеннаго съ Польшею русскаго края. Это было выразительное заявленіе народной воли по вопросу о Люблинской Уніи, когда народа не спрашивали, и гдѣ не думали не гадали, что онъ на нее отвѣтитъ черезъ 80 лѣтъ. Окончательною функціею этого народного отзыва было соединеніе съ Великороссіею. Въ то время это было событіе всенародное, дѣло массы; Хмельницкій угадалъ ея побужденія. Доказательствомъ можетъ служить то обстоятельство, что, послѣ Хмельницкаго, когда передовые люди, путаясь въ политическихъ комбинаціяхъ надъ неяснымъ и неопредѣленнымъ положеніемъ своего отечества, задумали—было соединяться съ Польшею, на федеративныхъ [началахъ] особыности Южной Руси, масса не пошла за ними, покарала ихъ и заявила себя въ пользу московскаго государя. Неумѣнье московской политики утратило то, что само собою ей отдавалось въ руки: западная часть Южной Руси по Днѣпру была уступлена Польшѣ. Народъ энергически противодѣйство-

валъ насильственному андрусовскому договору и, послѣ тяжелой, но безуспѣшной борьбы, Южная Русь досталась снова Польшѣ, но не иначе какъ почти безлюдною. Остатки прежняго населенія современемъ разрослись, страна облюдовѣла, дѣдовскія воспоминанія передавались отъ родителей къ дѣтямъ, тлѣли какъ искры подъ пепломъ въ сердцахъ народа, всегда готовые вспыхнуть прежнимъ пожаромъ, когда случай представится. И этотъ случай пришелъ: *Колывщина* напомнила Полякамъ, что въ южно-русскомъ народѣ, повидимому поработленномъ, забитомъ, безропотно покорномъ своей участи—еще можетъ проявиться прежняя саможизненность. По присоединеніи къ Россіи, совершившемся въ концѣ XVIII в., южно-русскій народъ остался надолго подъ властію польскихъ помѣщиковъ, и, правду надобно сказать, только силѣ русскаго правительства эти польскіе паны должны быть благодарны за безмятежное сохраненіе своей власти надъ древнерусскими землями и поработанными русскими земледѣльцами: безъ этого движеніе колывщины отразилось бы послѣдующимъ рядомъ событій въ привычномъ духѣ. Только событіе 19 февраля 1861 года, освободившее южнорусскихъ крестьянъ отъ произвола пановъ, подаетъ прочную надежду на окончательную сдачу въ архивъ трехвѣковаго дѣла о заявленіи народной воли, по вопросу о соединеніи Руси съ Польшею. Отъ благоразумія Поляковъ будетъ зависѣть на будущее время прекратить всякую возможность перейти этому дѣлу изъ исторіи опять въ современность.

По нашему общему убѣжденію, международные споры съ Поляками, въ настоящее время, должны прекратиться и не возобновляться никогда. Ни бракосочетаніе Ягейла, ни Городлянской сеймъ, ни Люблинскій съ его политической уніей, ни Брестская церковная унія, ни дзулинскіе, андрусовскіе, московскіе договоры, и никакія историческія событія, служація польскимъ патріотамъ доводами правъ Польши на Югозападную Русь, въ настоящій вѣкъ не имѣютъ значенія. Обо всемъ этомъ можно писать историческія книги, ученые диссертации, читать лекціи,—многое изъ этого можетъ пригодиться для картины, драмы, повѣсти, оперы... но все это ровно никуда не годится для практическаго установленія международныхъ нашихъ отношеній. На старые договоры и межевыя записи уже и потому нельзя опираться, что послѣдующіе договоры и размежевки уничтожили дѣйствительность первыхъ: послѣдующіе также точно опирались на силу, какъ прежніе въ свое время. Современные понятія о народныхъ пра-

вахъ не допускать называть Люблинскую унію добровольнымъ соединеніемъ двухъ братскихъ народовъ: она въ—сущности не была тѣмъ, чѣмъ выставить ее хотятъ польскіе патріоты. То было дѣло одного сословія, а не цѣлаго народа. Народная масса не была тогда спрошена и заявила впослѣдствіи свое несогласіе рядомъ отзывовъ, которые ревнитель послѣдняго соединенія постарался пройти *скромнымъ молчаніемъ*, по ясной причинѣ: эти отзывы не слишкомъ пріятны его патріотическому сердцу и вовсе не говорятъ въ пользу его патріотическихъ цѣлей.

Пора, братья Поляки, пора оставить ваши старыя погудки, пора сознать полное, совершенное отсутствіе въ настоящее время всякихъ правъ польской народности на нашъ южно-русскій край; пора обращаться съ нами, какъ съ народомъ равнымъ себѣ, уважать наше стремленіе къ самостоятельному и независимому развитію нашихъ народныхъ силъ, а не считать насъ массою, которая не имѣетъ, по выраженію автора *Истины о русскомъ духѣ*, ни особенности, ни опредѣлительнаго характера, только для того и годною, чтобъ служить сырымъ матеріаломъ для польской національности;—пора искать съ нами не прежней — истлѣвшей отъ древности, виѣшней — но той внутренней, духовной, нравственной — на справедливости основанной — связи, которая одна можетъ быть залогомъ взаимныхъ стремленій ко всѣмъ благамъ образованности и къ успѣхамъ на пути умственного и вещественнаго благосостоянія.

Если, вмѣсто обманчивыхъ и извилистыхъ тропинокъ, Поляки изберутъ этотъ прямой путь отношеній къ нашему народу, то изъ того возникнутъ благіе плоды какъ для насъ, такъ и для нихъ. А тотъ путь, по которому хотятъ вести свой народъ гг. сочинители, строящіе карточные домики въ *Revue Contemporaine*, — это путь погибельный. Мы вполне сознаемъ это. Дай Богъ, чтобъ и Поляки сознали тоже.

Н. Костомаровъ.

ПРАВДА МОСКВИЧАМЪ О РУСИ.

Вознесся оумомъ высоты ради сана своего,
яко отъ Москвы приде, величаяся гражданимъ,
яко и племенемъ ихъ укори...

(Изъ житія Моисея, архієпископа Новгородскаго: »Чудо о Сергіи архієпископѣ«. Рукон. XVII вѣка).

Въ 6 № Дня появился критическій разборъ моей статьи «Двѣ Русскія народности», помѣщенной въ одномъ изъ номеровъ журнала *Основы*. Какъ видно, это только начало цѣлаго ряда статей. Мы рѣшились возражать автору послѣдовательно, не ради пустого словопрения, часто скрываемого авторскимъ самолюбіемъ, а изъ видовъ отстоять тѣ убѣжденія, которыя мы считаемъ истинными, либо согласиться съ противникомъ нашимъ, если онъ представитъ убѣдительныя противъ насъ доказательства.

Критикъ, полагая, что на каждомъ народѣ лежитъ обязанность самопознанія или обязанность добросовѣстно изучать коренныя стихіи его народности, говоритъ: »Но именно исполненіе этой-то обязанности и трудно. Случайныя положенія, въ которыя исторія, а вѣрнѣе то неразуміе народовъ, о которомъ мы говорили выше, ставятъ, на болѣе или менѣе долгое или короткое время, тотъ или другой народъ, — образуютъ въ немъ *привычки*, которыя, по пословицѣ, становятся второю природою. Эти привычки, заслоняя въ народѣ коренныя свойства его природы, обольщаютъ его и заставляютъ обольщать другихъ.«

Далѣе онъ говоритъ:

»Тѣмъ не менѣе исцѣленіе возможно. *Изученіе исторіи* дѣлаетъ его возможнымъ. Подъ внѣшними очертаніями измѣнчивыхъ событій, исторія указываетъ внутреннія качества, которыми опредѣляется сущ-

ность (субстанція) народнаго духа до такой степени, что народъ никогда успокоиться не можетъ, пока не найдетъ себѣ быта и обстановки (формъ и ассоціацій), соответствующихъ его духовной сущности. Само собою разумѣется, что такое изученіе исторіи сразу не дается ни всему народу, ни отдѣльнымъ въ немъ личностямъ. Національныя привычки, о которыхъ мы сказали выше, вносятъ и въ историческую науку самолюбивый *партикуляризмъ*, отъ котораго она должна очищаться постепенно. Къ счастью, самая ложь и противорѣчія, неизбежныя въ такихъ случаяхъ, мало-по-малу саморазрушеніемъ приготавливаютъ торжество истинѣ.»

Дѣйствительно, національныя привычки вносятъ въ науку самолюбивый партикуляризмъ, и нагляднымъ доказательствомъ этой правды служить статья нашего критика, который, подъ вліяніемъ самолюбиваго національнаго партикуляризма, дѣлаетъ погрѣшности противъ историческихъ свидѣтельствъ и очевидной истины.

Придираясь къ моимъ словамъ »о силѣ неизвѣстныхъ обстоятельствъ«, критикъ хочетъ представить дѣло такъ, какъ-будто бы я, на основаніи этихъ неизвѣстныхъ обстоятельствъ, дѣлалъ выводъ о колонизаціи Новгородскаго края съ Юга. Нѣтъ, я говорю только о существованіи какихъ-то неизвѣстныхъ обстоятельствъ, давшихъ, въ свое время, поводъ къ факту, который мнѣ извѣстенъ вовсе не на основаніи неизвѣстныхъ обстоятельствъ. Изъ нашей лѣтописи (которую авторъ называетъ Несторовою и которая не какъ сочиненіе, а какъ составъ, должна скорѣе называться Сильвестровскою) видно, что Новгородскіе Славяне вмѣстѣ съ другими пришли съ Дуная, слѣдовательно—съ Юга. Подвигаясь на сѣверъ, они естественно расселялись такъ, какъ указывало положеніе страны, а не такъ, какъ нужно московскому критику для своихъ славянофильскихъ тенденцій,—именно, помѣстившіеся далѣе къ сѣверу пришли на свое мѣсто позже, чѣмъ тѣ, которые заняли свои новыя жилища южнѣе. Еслибы лѣтописецъ этого не сказалъ, то это необходимо было бы принять само собою, въ особенности потому, что земли болѣе южныя гораздо плодороднѣе и привольнѣе, а потому не могли же переселенцы только пройти черезъ нихъ, а для жилищъ искать холодныхъ дебрей и топей. Въ нашей лѣтописи такъ перечисляются народы въ послѣдовательномъ порядкѣ отъ юга къ сѣверу: Поляне, Древляне, Дреговичи, Полочане, потомъ уже Славяне Ильменскіе. Зайти на берега Ильмена колонія Славянъ переселенцевъ могла только вслѣдствіе какихъ-нибудь побудительныхъ обстоятельствъ, которыя бы по-

мѣшали имъ жить на югѣ. Эти обстоятельства намъ неизвѣстны. Объ этомъ я и сдѣлалъ намекъ. Впрочемъ въ одной сказкѣ, вошедшей въ разныхъ вариантахъ въ списки нашихъ хронографовъ XVI и XVII вѣковъ, разсказывается, что именно эти Ильменскіе Славяне пришли съ юга Россіи, вслѣдствіе разрушительныхъ потрясеній, заставившихъ ихъ искать убѣжища; что на берегахъ Ильменя и въ окрестностяхъ его они нашли уже Славянский народъ, говорившій бѣлорусскою рѣчью (Кривичей), и что рѣка, близъ которой пришельцы основали поселеніе, называлась Мутная и переименована новыми колонистами въ Волховъ, а озеро, изъ котораго истекала рѣка, прежде называлось Мойско, и переименовано въ Ильмеръ. Сказаніе это сильно обезображено мудростію книжниковъ, но что оно не выдуманно и что кое-что въ немъ взято изъ народныхъ преданій, доказываетъ то, что до сихъ поръ осталось въ народѣ мѣстное преданіе о томъ, что прежними жителями Волховъ назывался Мутною, а Ильмень — Мойско и переименованы Новгородцами, пришедшими изъ далека. Вѣроятность, что страна, гдѣ поселились Новгородцы, была или обитаема, или граничила съ обитаемою Кривичами (Бѣлоруссами), подтверждается тѣмъ, что бѣлорусское нарѣчіе дѣйствительно вторгается въ глубину Новгородской земли. Говоръ бѣлорусскій, по увѣренію мѣстныхъ наблюдателей, слышенъ уже на Шелони и попадаетъ въ сѣверныхъ провинціяхъ Великаго Новгорода, въ Архангельской губерніи. Съ перваго взгляда видно достаточно, что въ Новгородской землѣ Бѣлорусское нарѣчіе столкнулось съ другимъ нарѣчіемъ, Новгородскимъ. Особенности этого послѣдняго (новгородскаго) нарѣчія даже и до сихъ поръ сохранили довольно яркіе оттѣнки, не смотря на много-вѣковое смѣшеніе съ восточно-русскимъ. Они-то показываютъ, что пришедшая колонія принадлежала къ той группѣ Славянъ Русскаго населенія, отъ которой произошла нынѣшняя народность Малорусская. Я уже говорилъ, и теперь повторяю, что нашего мнѣнія не слѣдуетъ понимать такъ, что Новгородцы — чистые Малоруссы въ томъ видѣ, какъ послѣднихъ мы себѣ воображаемъ по настоящему типу. Тогда, въ отдаленную эпоху, разумѣется, не было такихъ Малоруссовъ, какъ теперь: ихъ нынѣшній типъ выработался подъ послѣдующими историческими условіями. Но мы утверждаемъ, и увѣрены въ томъ твердо, что Славяне Ильменскіе принадлежали первоначально къ такой народности, которая была родоначальною для Малоруссовъ и Новгородцевъ одинаково и ближе къ нимъ относительно, чѣмъ обще-Славянская, а потому древніе Новгородцы и Малоруссы состоятъ

между собою въ ближайшемъ сродствѣ, нежели тѣ и другіе съ Бѣлорусскою и Великорусскою вѣтвями. До сихъ поръ по берегамъ Волхова, въ Новолодожскомъ уѣздѣ и вообще въ нѣкоторыхъ мѣстахъ земли Великаго Новгорода, слышится это сродство въ языкѣ, до-того поразительное для Южнорусса, что съ перваго раза онъ можетъ счесть Новгородца за своего земляка Малорусса, говорящаго по-великорусски, или уже нѣсколько обмоскальвившаго ⁽¹⁾. Вотъ на какихъ основаніяхъ, а не по силѣ »неиз-

(1) Вотъ на выдержку свадебная пѣсня, записанная въ Новолодожскомъ уѣздѣ. Мы соблюдаемъ для нея правописаніе малорусское: *о* за *о*, *и* и *е* — твердо, *ь* за *і*, но *г* за *г*, а не за *л*.

Хто у насъ хорошей?

Хто у насъ пригожей?

Ой люшеньки люли!

Омельянъ свѣтъ хорошей,

Свѣтъ-Федотовичъ пригожей.

Іонъ по горницѣ ходи,

Сапогъ не ломаетъ,

Сапогъ не ломаетъ,

Чулокъ не мараетъ;

Сапожки козлови,

Чулочки козлови.

Іонъ коня сѣлае,

Конь подъ імъ играе.

На коня садиться,

Конь подъ імъ бодриться.

Іонъ плѣточкой маше,

Подъ імъ коникъ пляше.

Къ лужечкамъ подызнае,

На їхъ травка зеленіе;

Къ річки подызнае —

Вода розливае;

Къ терѣму подызнае,

Его дівца стрічае,

Его Оленушка стрічае,

Свѣтъ-Ивановна стрічае.

»Поди, мой хорошей,

Поди, мой пригожей!

Долго тебя ждала,

Долго дожидалась:

Со білого лица спала,

А румянецъ потеряла,

Теперь увидала —

Серцемъ свеселилась.»

вѣстныхъ обстоятельствъ», какъ говорить критикъ, я признаю Новгородцевъ вѣствію Южнорусскаго племени.

Авторъ замѣчаетъ, что Ильменскіе колонисты не приняли никакого мѣстнаго видоваго названія, какъ произошло съ другими, а назывались просто: Славяне. Это онъ приписываетъ тому, что славянство сохранилось въ своей чистотѣ на самомъ сѣверѣ.

Еслибъ такъ было, то надобно предположить, что Ильменскіе Славяне, прежде чѣмъ постановили и рѣшили навсегда называться Славянами, принимали мѣры для сравненія себя съ другими одноплеменными народами. Но такъ не бываетъ у народовъ, стоящихъ на слишкомъ малой степени развитія, на какой, безсомнѣнія, стояли древніе Славяне. Не думаемъ же мы, чтобы Ильменскіе поселенцы отправляли этнографическія экспедиціи съ цѣлію сравнить себя съ другими и упрочить за собою почетное наименованіе. А иначе какъ могли они удостовѣриться въ своей относительной чистотѣ? И гдѣ же доказательства, что они назывались такъ именно по той причинѣ, по какой хочется автору? Развѣ онъ думаетъ, что, коль скоро представится примѣръ, что гдѣ-нибудь горсть народа называется общимъ племеннымъ названіемъ, то это свидѣтельствуетъ о его особенной чистотѣ? Но вотъ я представляю ему противное. Есть въ Воронежской губерніи, въ Острогежскомъ уѣздѣ, нѣмецкая колонія Рибенсдорфъ. Названіе ея рѣдкій знаетъ, а зоветъ обыкновенно *колонокъ*, а жителей ея просто—Нѣмцы; да и сами себя передъ Русскими они иначе не зовутъ, какъ такъ же. Но у нихъ вовсе не самая чистая нѣмецкая народность. Случаи, когда народныя группы удерживаютъ, вмѣсто видоваго, родовое названіе, обыкновенно означаютъ то, что эти группы были отброшены среди иноплеменнаго поселенія,—что, вѣроятно, было поводомъ и къ тому, что Ильменскіе поселенцы назывались Славянами: кромѣ Кривичей, они видѣли вокругъ себя Финскіе народы, съ которыми приходили въ столкновеніе и надъ которыми шагъ за шагомъ брали господство. Впрочемъ, могли быть и другія причины, намъ теперь неизвѣстныя, но никакъ не сознаніе своей особой племенной чистоты.

Авторъ справедливо замѣчаетъ, что Радимичей и Вятичей не слѣдуетъ причислять къ группѣ Славянъ, прибывшихъ съ Дуная. Но къ такимъ же, по моему мнѣнію, Славянамъ-аборигенамъ въ Россіи слѣдуетъ причислить и Кривичей, ибо ихъ, точно также, какъ Радимичей и Вятичей, лѣтописецъ отдѣляетъ ясно: онъ наравитъ, съ Радимичами и Вятичами, умалчиваетъ о нихъ, когда перечисляетъ народы собственно

Славянскіе, то есть пришлые съ Дуная. Напримѣръ: »Се бо токмо Словенскъ языкъ въ Руси: Поляне, Древляне, Новгородци, Полочане, Дреговичи, Сѣверъ, Бужане«. Точно также и въ другомъ мѣстѣ, описывая разселеніе Славянъ, лѣтописецъ не поминаетъ Кривичей наравнѣ съ Радимичами и Вятичами: »Словяне, пришедше, и сѣдоша по Днѣпру и нарекошася Поляне, а друзи Древляне, зане сѣдоша въ лѣсѣхъ; а друзи сѣдоша межю Припятью и Двиною, и нарекошася Дреговичи; инѣ сѣдоша на Двинѣ и нарекошася Полочане, рѣчки ради, яже втечетъ въ Двину, имянемъ Полота, отъ сея прозвашася Полочане. Словѣни же сѣдоша около езера Илмеря, прозвашася своимъ имянемъ и сѣлаша градъ и нарекоша и Новѣгородъ, а друзи сѣдоша по Деснѣ, и по Семи, по Сулѣ и нарекошася Сѣверъ. Тако разидеся Словѣнскій языкъ...« (П. С. Лѣт. т. 1. стр. 3).

Между Кривичами поселилась только колонія пришлыхъ, Полочане и Дреговичи. Племя Кривичей было многочисленно. Лѣтописецъ не указалъ его точныхъ границъ: мы видимъ ихъ у него только на верховьяхъ Двины, Днѣпра и Волги, но извѣстно, что они простирались далеко и сохранили свое мѣстное названіе долѣе, чѣмъ другіе русско-славянскіе народы. Оно заходило и въ нынѣшнія губерніи Псковскую и Новгородскую, какъ это видѣть можно изъ бѣлорусскаго говора, очевидно, составляющаго оттѣнокъ этого племени. Оно, вѣроятно, составляло важный элементъ въ образованіи Великорусской-Московской народности, ибо измѣненіе *о* на *а* есть принадлежность его говора, какъ и Велико-русскаго-московскаго; *дзѣканье*, другая своеобразная черта нарѣчія Кривичей, попадаетъ въ такихъ мѣстахъ, гдѣ Москали въ историческую эпоху не находились въ возможности усвоить себѣ его отъ Бѣлоруссовъ. Это тоже можно принять, какъ одинъ изъ слѣдовъ распространенности Кривичей по Русскому материку. И потому очень вѣроятно извѣстіе въ сказаніи объ основаніи Новгорода, о переименованіи пришельцами въ Волховѣ названія рѣки Мутной, и озера Мойско въ Ильмень: старыя, замѣненные названія—бѣлорусскія. Пришельцы Славяне очевидно внѣдрились въ племя Кривичей; на дальнемъ сѣверѣ, на окраинѣ ихъ земли, сѣли Славяне Ильменскіе, по рѣкѣ Полотѣ среди Кривичей устали Полочане, а между Припятью и Двиною — Дреговичи. Замѣчательно, что въ этихъ мѣстахъ преобладаетъ Бѣлорусское нарѣчіе; но по близости къ Припяти до сихъ поръ видны слѣды Южнорусскаго языка въ поднарѣчіи, имѣющемъ нѣкоторыя свои мѣстныя особенности и которое можно назвать переход-

нымъ. Что касается до Радимичей и Вятичей, то кажется, что лѣтописецъ подъ Ляхами, отъ которыхъ ихъ производитъ, разумѣтъ не Поляковъ-Ляховъ, а другихъ Ляховъ, которыхъ онъ отдѣлилъ отъ Поляковъ словомъ *друзи* и которыхъ, должно думать, онъ также не причисляетъ къ пришедшимъ съ Дуная: въ Польскомъ мѣстѣ также точно, какъ и въ Русскомъ, пришедшіе съ Дуная встрѣтили Славянъ аборигеновъ. Поселенцы подъ именемъ Полянъ были родственны Южнорусской вѣтви, и теперь это сродство сильно видно; но лѣтописецъ, говоря, что есть «Ляхове друзи: Лутичи, ини Мазовшане, ини Поморяне», отдѣляетъ послѣднихъ рѣзкою чертою отъ Полянъ, и когда, въ другомъ мѣстѣ, онъ производитъ Радимичей и Вятичей отъ Ляховъ, въ противоположность пришедшимъ съ Дуная Славянамъ, то этимъ даетъ знать, что считаетъ ихъ происходящими не отъ Поляковъ, также прибывшихъ съ Дуная, а отъ такихъ Ляховъ, которые съ Дуная не пришли. Что касается до Улучей и Тиверцевъ, то мы соглашаемся съ критикомъ, что ихъ слѣдуетъ причислять къ группѣ Дунайскихъ Славянъ, хотя они и не были въ числѣ пришедшихъ съ Дуная въ страны Русскаго материка отъ насилія Волоховъ. Древнія жилища Улучей и Тиверцевъ, прилегая къ Дунаю, ставили ихъ въ ближайшее сродство съ Дунайскими переселенцами, ибо и послѣдніе, еще прежде своего переселенія на русскій материкъ, жили по сосѣдству съ первыми, по теченію Дуная, и бѣжали отъ Волоховъ (Италянцевъ) вѣроятно тогда, когда Римская имперія покорила эти страны (при Траянѣ).

Авторъ забавно не расположенъ къ Радимичамъ и Вятичамъ, и называетъ ихъ искаженнымъ уже Ляшскимъ элементомъ. Это всё отъ нерасположенія къ современнымъ Полякамъ. Критикъ не даромъ же печатаетъ въ такой газетѣ, которая вскорѣ послѣ своего появленія обратилась къ Полякамъ съ высокоумною рѣчью. Конечно, для людей этой партіи, которой органомъ служитъ *День*, все, что Ляшское, Польское, то искажено, то дурно! По дѣломъ и Радимичамъ и Вятичамъ! Вольно было ихъ праотцамъ, Радиму и Вятку, заходить изъ Ляшской земли въ нашу Русскую!...

Критикъ приписываетъ при-Ильменскимъ Славянамъ колонизацию восточной, западной и даже южной областей нынѣшней Россіи, береговъ Двины, всего Поволжья до устья Оки, Десны и Днѣпра. Вотъ что говоритъ онъ: «При-Ильменскіе поселенцы съ Дуная прямо назывались Дунайскимъ своимъ именемъ: «Словѣне». Они раскидывали свои колоніи по всей центральной области нынѣшней Россіи, т. е. по верховьямъ

Двины, Волги и Днѣпра, владѣя узломъ главныхъ жилъ нашей территории; далѣе они своими колоніями спускались по лѣвой сторонѣ Днѣпра такъ, что вся область Десны до Трубежа была занята ими къ Югу, а на Востокъ ими колонизовано было по-Волжѣ до устьевъ Оки. Хотя такая обширная колонизація не могла не разбиться на новыя, меньшія округа, которые приняли свои мѣстныя названія, но члены ея даже на Югѣ помнили о своемъ корнѣ, о своей старшей, коренной метрополіи, и выразили связь съ нею въ самомъ названіи своего округа: «Сѣверь» или «Сѣверяне». Вотъ какъ очерчивается эту сѣверную колоніальную систему лѣтописецъ: «*Словѣни* (держати почаша княженъ) *свое* въ Новгородѣ, *а другое* на Полотѣ, иже Полочане. *Отъ нихъ же* Кривичи, иже сѣдять на верхѣ Двины и на верхѣ Днѣпра, ихъ же градъ есть Смоленскъ; *туда бо* (т. е. въ ту сторону отъ Новгорода) сѣдять Кривичи, таже *«Сѣверъ отъ нихъ»*, говорить лѣтописецъ.»

Критикъ умышленно поставилъ Славянъ Новгородскихъ сначала и не сказалъ, что въ лѣтописи передъ ними говорится: *И по сихъ братья держати почаша родъ ихъ княженъ въ Поляхъ, въ Деревьехъ свое, а Дреговичи свое*; вслѣдъ за тѣмъ у лѣтописца слѣдуютъ слова: *а Словени свое въ Новгородѣ, а друзи на Полотѣ, иже Полочане*. Такимъ образомъ очевидно, что лѣтописецъ даетъ извѣстіе о томъ, что каждый Славянскій народецъ имѣлъ свою автономію, а между ними, наравнѣ съ прочими, и Славяне Новгородскіе. Но нѣтъ ни малѣйшаго повода заключать, чтобъ эти Словени были какими-то колонизаторами. Выраженіе *отъ нихъ*, здѣсь употребленное, двусмысленно; можно разумѣть, что лѣтописецъ думалъ указать на происхожденіе Кривичей и Сѣверянъ, но можно думать, что онъ употребилъ слово *отъ нихъ* только въ географическомъ смыслѣ. Намъ кажется вѣроятнѣе послѣднее; но если допустить другое, то остается еще новое двусмысліе. Можно сказанныя слова разумѣть: или 1) въ смыслѣ одноплеменности Кривичей и Сѣверянъ съ другими, то есть, что Кривичи и Сѣверяне одного Славянскаго корня съ Полянами, Древлянами, Словенами, Дреговичами, Полочанами, или 2) въ смыслѣ происхожденія отъ одного изъ Славянскихъ народцевъ, именно такъ, какъ критикъ хочетъ. Но въ послѣднемъ случаѣ выйдетъ, что Кривичи и Сѣверяне происходятъ отъ Полочанъ, а не отъ Ильменскихъ Славянъ. Но принять послѣднее, то есть происхожденіе отъ Полочанъ, невозможно, потому что: 1) лѣтописецъ, исчисляя два раза Славянскихъ переселенцевъ съ Дуная, о Кривичахъ не упоминаетъ;

2) что онъ, причисляя Сѣверянъ къ переселенцамъ, говоритъ о поселеніи ихъ на Деснѣ, Семи и Сулѣ, наравнѣ съ другими народами, и въ числѣ ихъ съ Полочанами, а не производить ихъ отъ этихъ Полочанъ, да и ни отъ какого-нибудь другого изъ Русско-Славянскихъ народцевъ.

Критикъ справедливо думаетъ, что Бѣлоозеро и Ростовъ указываютъ своими именами на Славянское заселеніе Веси и Мери издревле, и полагаетъ, что призывавшіе, вѣстѣ съ Новгородцами, Варяговъ Веси и Мери были Славянскіе поселенцы этихъ Финскихъ краевъ. Подробное мнѣніе объ этомъ вопросѣ я изложилъ уже въ статьѣ «Начало Руси», въ 1 книжкѣ *Современника* на 1860 годъ.

Авторъ противопоставилъ строй жизни и политическую организацію сѣверныхъ Славянъ южнымъ и ссылается на мѣсто изъ лѣтописи XII вѣка: «Новгородци бо изначала и Смоленяне и Кыяне и Полочане и вси власти, якоже на думу, на вѣче сходятся; на что же старѣйшии сдумаютъ, на томъ же пригородѣ стануть». Авторъ неправильно переводитъ слово *власти* словомъ *метрополій*: *власти* значить—*волости*, земли; односторонне слово *пригородъ* переводитъ онъ словомъ *колоніи*. Дѣйствительно, колоніи дѣлались пригородами, но не всѣ пригороды были колоніи главнаго града. На это нигдѣ указанія нѣтъ, и быть этого не могло, потому что нельзя же предположить, чтобы въ древности Славяне, расселяясь по Русскому матеріку, непременно сбивались въ кучки и изъ этихъ кучекъ расходились въ страны, соизнавая зависимость отъ тѣхъ мѣстъ, гдѣ въ первой разъ собрались въ кучку. Не только односторонне, но противно исторіи и смыслу лѣтописи, критикъ говоритъ, будто изъ этого мѣста лѣтописи видно, что иной былъ строй жизни у южныхъ Русскихъ Славянъ, чѣмъ у сѣверныхъ. Какъ же это, когда въ этомъ мѣстѣ лѣтописи помѣщаются Кыяне за-урядъ съ сѣверными народами? Между тѣмъ вотъ какъ критикъ импровизируетъ о судьбѣ южныхъ Славянъ: «Южныя племена не стояли между собою въ такой генетической связи, какъ Сѣверная группа. Это были спорадически, отдѣльными группами, расположившіеся выходцы. Это было, если угодно, нѣсколько метрополій, раскинувшихъ около себя пригороды, хотя и на значительное пространство, но на этихъ первыхъ актахъ колонизаціи и остановившихся. Каждая метрополія произошла сама по себѣ. Это отсутствіе связи и энергіи выразилось на Югѣ въ слабомъ развитіи городской жизни. Въ то время, какъ Сѣверные Славяне при Ильменѣ прямо садятся городомъ Новгородомъ и отту-

да городами выдвигаются въ другія мѣста (Полоцкъ, Смоленскъ, Ростовъ и др.), на Югѣ, въ самомъ представительномъ племени, у Поланъ, еще нѣтъ города и, долго уже спустя, три брата — Кій, Щекъ и Хоривъ — «сотвориша градъ во имя брата своего старѣйшаго и нарекоша имя ему Кіевъ». Такой спорадическій характеръ поселенія не много общалъ для политической и соціальной жизни Южныхъ племенъ.

Откуда извѣстно, что у южныхъ Русскихъ Славянъ былъ такой строй?

»На югѣ, говоритъ авторъ, было слабое развитіе городской жизни«. А между тѣмъ въ глубокой древности у Улучей и Тиверцовъ были города на Днѣпрѣ и по Черноморскому поморью: *сидяху по Днѣстру оми до моря, суть гради ихъ и до сего дне*. Да въ XII вѣкѣ на югѣ городовъ было болѣе, чѣмъ на сѣверѣ, и о многихъ извѣстно, что они были значительны по своему времени, на примѣръ Кіевъ, Владимиръ, Галичъ, Перемышль. Критикъ увѣряетъ, будто въ тѣ времена, когда уже существовали, кромѣ Новгорода, Полоцкъ, Смоленскъ, Ростовъ (въ фантазіи славянофила — населенные изъ Новгорода!), еще не было Кіева. Откуда это ему извѣстно? Развѣ годъ или даже вѣкъ основанія Кіева извѣстенъ кому-нибудь точно также, какъ и другихъ упомянутыхъ городовъ? Желательно знать, какихъ читателей авторъ воображалъ передъ собою, когда писалъ подобное. Не ужели ему неизвѣстно, что теперь прошли добрыя времена *Маяка* и *Савельева-Ростиславича*? Вѣдь теперь эти вещи достаточно извѣстны и гимназистамъ вышнихъ классовъ; и тѣ засмѣются, услышавъ, что кто-то пытается доказать, какой городъ построенъ прежде другого изъ числа тѣхъ, о которыхъ имъ уже самимъ по источнику извѣстно, что нѣтъ возможности этого сдѣлать.

Питая постоянную злобу къ бѣднымъ Радимичамъ и Вятичамъ, критикъ приписываетъ грубость нравовъ у Сѣверянъ вліянію Ляшскихъ колонистовъ — Радимичей и Вятичей. »Это огрубляющее вліяніе отдѣльности отъ единокровныхъ братьевъ оказалось и на Сѣверянахъ, какъ скоро Ляшскіе колонисты Радимичи и Вятичи поселились возлѣ нихъ.« Все эти Ляхи! эти несносные Ляхи! Одно прикосновеніе ихъ вредно Русскому человѣку! Что я говорю — прикосновеніе? — Сидѣть близко насъ имъ не слѣдуетъ! Это язва здѣшнихъ мѣстъ! За тысячу слишкомъ лѣтъ Русскіе Славяне жили въ любви и согласіи между со-

бою, имѣли кроткіе обычаи, цивилизацію, высокую *духовную сущность*, наслаждались созерцаніемъ своего племеннаго единства и чистоты Ильменскихъ Славянъ... Какъ хорошо тогда было! И почему бы такъ не оставаться! Такъ нѣтъ же!—принесъ бѣсъ этихъ Радимичей и Вятичей, этихъ досадныхъ Ляховъ! Какъ успѣлись они подлѣ Сѣверянъ, такъ сейчасъ Сѣверяне и испортились и огрубѣли: завелось у нихъ «игрища межю селы, бѣсовское плясанье, завелось сожиганіе мертвыхъ, срамословіе предъ отцами и снохами (на послѣднее Ляхи замѣтитъ могутъ буквально тоже, что въ баснѣ замѣтилъ бѣсъ отшельнику о яйцѣ, испеченномъ на свѣчкѣ). А какъ Сѣверяне испортились, — все блаженство Русскихъ Славянъ пропало!

Было-бы очень кстати, еслибы какой-нибудь наставникъ юношества, читающій своимъ питомцамъ басни Крылова и Хемницера, прочиталъ имъ тираду славянофила о Радимичахъ и Вятичахъ и въ заключеніе сдѣлалъ бы такое объясненіе: Сія басня, любезныя дѣти, поучаетъ насъ, что въ Москвѣ существуютъ люди, называющіе себя славянофилами, еже сказуются славянолюбцами; но въ сущности они не таковы, каковыми себя выставляютъ, они хотятъ воспитывать въ своемъ народѣ неприязнь противъ другаго славянскаго народа, который и малочисленнѣе и слабѣе того народа, къ которому они сами принадлежатъ; а съ этой цѣлю они, сіи такъ-называемые Славянолюбцы, уродуютъ и искажаютъ преданья старины глубокой, прибавляютъ къ разсказамъ лѣтописцевъ свои выдумки и тѣмъ показываютъ, что не уважаютъ истины. И такъ, любезныя дѣти, когда возмужаете и будете встрѣчаться съ писаніями выше-означенныхъ Славянолюбцевъ, то не довѣряйте ихъ историческимъ теоріямъ: знайте, что они создаютъ ихъ не по любви къ истинѣ, а изъ желанія удовлетворить національному тщеславію, отъ котораго, любезныя дѣти, старайтесь сохранить себя, аки отъ злыя заразы: она тѣмъ опаснѣе, что очень прилипчива. Вотъ, эти Славянофилы—добрѣйшіе, честнѣйшіе, умные и свѣдущіе люди, а отъ нея не могутъ избавиться.—О Москва! какъ въ нынѣшнихъ чадахъ твоихъ зрятся отцы и дѣды ихъ! Вспомнишь по неволѣ Конисекаго, который, описывая солдатъ великорусскихъ, «бывшихъ еще тогда въ сѣрыхъ зипунахъ и въ лычанныхъ лаптяхъ, не бритыми и въ бородахъ, то-есть во всей мужичей образинѣ», замѣчаетъ, какъ «они имѣли однако о себѣ непонятное высокомеріе или какой-то гнусный обычай давать всеѣмъ народамъ презрительныя на-

званія, напримѣръ: Полячишки, Нѣмчурки, Татаришки и такъ далѣе.» (Кониск. 145). Много нагаль Конисскій въ своей исторіи, но въ этомъ мѣстѣ сказалъ сущую правду, да и сказалъ мѣтко.

Задавъ себѣ фальшивое, ни на чемъ не основанное, положеніе — наваливать на Ляшское поселеніе все, что можно выдумать худое и зло-вредное для древней Руси, именно потому, что они — *Ляхи*, критикъ, ни съ сего, ни съ того, въ покореніи Сѣверянъ Козарамъ обвиняетъ Вятичей!

Взявшись, такимъ образомъ, за перо съ цѣлю — доказать невѣрность моего взгляда на двойственность Русской народности, критикъ создаетъ прежде всего цѣлыхъ три теоріи совершенно мечтательнаго и произвольнаго свойства, и на своихъ положеніяхъ зиждетъ свою систему, которая имѣетъ претензію уничтожить мой взглядъ на древнюю нашу исторію и вообще на сущность Русской народности; онъ, произвольно, безъ всякихъ основаній: 1) признаетъ чуть не всю Русь колонизаціею Новгорода; 2) произвольно находитъ особыя свойства строя у сѣверныхъ и южныхъ Славянъ и приписываетъ сѣвернымъ Русскимъ Славянамъ исключительно, еще въ древнѣйшую эпоху, мысли политическаго единства, отрицая ихъ у южныхъ, — въ глубокой древности видитъ у сѣверныхъ какой-то особенный городской строй и цивилизацію, чего не было у южныхъ; 3) произвольно приписываетъ Радимичамъ и Вятичамъ какое-то враждебное и вредное вліяніе на другихъ Славянъ, на томъ основаніи, что они *Ляхи*. Первое и второе выводится съ цѣлю проповѣдывать превосходство сѣвера надъ югомъ, изъ мѣстнаго высокомерія передъ южноруссами и притязанія на право власти первыхъ надъ послѣдними, — третье — съ цѣлю унижать Поляковъ, къ которымъ не благоволитъ вообще газета *День*.

Не ясно ли, что критикъ хочетъ употреблять науку средствомъ для поддержанія постороннихъ своихъ убѣжденій, имѣющихъ для него смыслъ уже не въ наукѣ, а въ современной жизни? Достойно ли это того, кто принимается за науку? И этотъ критикъ хочетъ обвинить меня въ тѣхъ качествахъ, которыя имѣетъ самъ и заявляетъ самымъ рѣзкимъ и ребяческимъ образомъ. Употреблять науку для постороннихъ цѣлей! это недостойно честнаго ученаго. Было бы извинительно, еслибы авторъ только заблуждался невольно; нѣтъ, онъ *не заблуждается* невольно: онъ сочиняетъ, онъ напускаетъ туманъ.

Далѣе у автора произвольныя фантазіи слѣдуютъ одна за другою. Что, напримѣръ, скажетъ всякій, занимающійся русскою исторіей, о та-

кой фразѣ: «во время варяжскаго владѣнія и подъ его вліяніемъ нарушена была та *правда*, та честность отношеній, какая означала была между *властями*, или метрополіями, и *пригородами*, или колоніями»? Откуда автору извѣстно это, и гдѣ есть современные свидѣтельства или свѣдѣніе о такой правдѣ и честности передъ нападеніемъ Варяговъ? Далѣе авторъ говоритъ: «Въ призваніи князей Новгородцы увидѣли средство умирить колоніи съ старшею метрополіею». Въ лѣтописи говорится объ усобицахъ между родами, а не между колоніями и метрополіею; можетъ быть, и такъ было; можетъ быть, колоніи (исключая самобытныхъ Кривичей) дѣйствительно входили въ раздоръ съ Новгородомъ; но все это можетъ быть, а можетъ быть, этого и не было. Авторъ же свои выдумки выдаетъ за несомнѣнную историческую истину.

О походѣ Олега въ Кіевъ авторъ рассказываетъ такіа небылицы: «Олегъ идетъ искать себѣ дѣла на югѣ. Его движеніе изъ Повагорода привлекаетъ множество охотниковъ изъ сѣвернаго населенія, и вотъ сѣверная цивилизація движется съ нимъ на югъ. Юговосточная отрасль Кривичей, послѣ занятія Смоленска и Любеча, присоединяется опять къ Новгородской системѣ — и населеніе ея, увеличивъ новыми сѣверными повольниками массу идущихъ съ Олегомъ, увеличиваетъ только имѣющее начаться вліяніе сѣвера на югъ. Теперь должна установиться прочная связь юга съ сѣверомъ, и самый югъ, при помощи сѣвернаго колоніальнаго начала, сплотится своими доселѣ разрозненными членами въ одно цѣлое. Сѣверное начало встрѣчается съ югомъ (уже не впервые) на землѣ Полянъ. Освобожденные-было вольными дружинниками, Аскольдъ и Диръ, отъ власти Козаръ, Поляне устрояются теперь по сѣвернымъ началамъ. Аскольдъ и Диръ, образчики тѣхъ Варяговъ, благодаря которымъ между едиными во всемъ сѣверными Славянами «не бѣ правды», умерщвлены. Слабые Поляне принимаютъ Олега и пришедшую съ нимъ сѣверную систему безъ сопротивленія. Какая же это система? Это система Новгородская, система колонизаціи, приводимая въ исполненіе массою сѣверныхъ повольниковъ, двинувшихся изъ всѣхъ сѣверныхъ центровъ при движеніи оттуда Олега и тѣсно къ нему примкнувшихъ: это та Русь-Новгородцы, о которыхъ слишкомъ прямо говорить лѣтописи, чтобы не знать этого кому-нибудь, а тѣмъ болѣе г. Костомарову».

Что охотники сѣверные были у Олега — это такъ: это видно въ лѣтописи; но тамъ нѣтъ и слѣда какой-то сѣверной цивилизаціи. И откуда

взялась эта сѣверная цивилизація, и въ чемъ она состояла? Если что-нибудь было тогда похожее на цивилизацію, то скорѣе на югѣ, по близости къ Греціи, съ которою Южноруссы были въ сношеніяхъ. Правда, что съ покоренія Кіева Олегомъ, Кіевъ и за нимъ южная Русь вошли, такъ-сказать, въ ту систему связи, которая возникла на сѣверѣ, вслѣдствіе однако не какихъ - нибудь прежнихъ началъ, а чужеземныхъ покореній; но гдѣ доказательства, что Олегъ приходилъ туда съ заранѣе-сознанною системою колонизаціи? Мы видѣли прежде, что самая система эта на сѣверѣ, по отношенію сѣвера къ другимъ Русскимъ Славянамъ, есть мыльный пузырь, исчезающій отъ малѣйшаго дуновенія критики. Если историкъ-ислѣдователь по слѣдствіямъ историческихъ явленій будетъ искать сознанія такихъ слѣдствій въ головахъ тѣхъ, которые были виновниками этихъ явленій, то его изслѣдованіе будетъ въ большей части случаевъ ошибочно. О Руси-Новгородцахъ я положительно не знаю и не вѣдаю, хотя критикъ и думаетъ меня пристыдить такимъ незнаніемъ; а я знаю только то, что имя Руси въ концѣ XI и въ началѣ XII вѣка (когда складывалась лѣтопись) принималось въ двухъ значеніяхъ: въ смыслѣ Кіевской Земли и въ смыслѣ вообще федераціи земель, состоявшихъ съ Кіевомъ подъ управленіемъ одного рода. Новгородъ, въ послѣднемъ смыслѣ, былъ Русь, но въ первомъ никогда; напротивъ, и послѣ того нерѣдко противопоставался Руси, когда говорилось объ отношеніяхъ его къ Кіеву. Извѣстіе, что отъ Варягъ прозвались Новгородцы Русскою землею, не доказываетъ, чтобы Кіевъ отъ Новгорода назвался Русью, когда самъ Новгородъ сдѣлался Русскимъ отъ призванія Русскихъ князей, а эти пришельцы не Новгородцевъ послали, а сами перешли въ Кіевъ; слѣдовательно, если Поляне приняли имя Руси, то непосредственно отъ тѣхъ пришельцевъ, которые пришли къ нимъ, а не отъ Новгородцевъ, которые, какъ и Поляне, заимствовали это имя такъ недавно въ сравненіи съ послѣдними. Притомъ, мы видимъ, что Новгородцы его мѣстно потеряли, а Поляне удержали. Покажите мнѣ хоть одно мѣсто, гдѣ бы Новгородъ назывался Русью въ мѣстномъ значеніи! Самъ Новгородъ почти исчезаетъ изъ лѣтописей до самого избранія Владиміра.

На первый разъ довольно. Критикъ задаетъ намъ цѣлый рядъ вопросовъ. Мы боимся, чтобы московскій партикуляризмъ не увлекъ его до того, что мы станемъ внѣ возможности толковать съ нимъ серьезно. А на то похоже, когда онъ выкидываетъ изъ науки *привычки*, отлича

ихъ отъ истинныхъ *элементовъ народности*. Такимъ-образомъ все, что ему не нравится, онъ относитъ къ *привычкамъ*, а чего хочетъ — къ истиннымъ *элементамъ* народности, и, конечно, къ послѣднимъ отнести и то, что самъ выдумаетъ и чего на самомъ дѣлѣ не было, какъ на примѣръ, сѣверная цивилизація на русскомъ материкѣ въ неизвѣстныя и незапамятныя времена. Отдѣленіе *привычекъ* отъ истинныхъ *элементовъ* — это московская лазейка; мы будемъ говорить: это наши истинные элементы народности; они намъ дороги, священны; а вы скажете: неправда, это привычки, вы должны съ ними разстаться, а вотъ ваши элементы, — и будете указывать на то, чего въ самомъ дѣлѣ не было въ исторіи и теперь нѣтъ въ духовной и общественной жизни, или же на то, что хотя и существуетъ, но отъ чего мы отвращаемся, какъ отъ временныхъ привычекъ.

Н. Костомаровъ.

25 ноября, 1861.

ОТЪ РЕДАКЦІИ.

Въ слѣдующей книжкѣ *Основы* будетъ помѣщено продолженіе общедоступной исторіи Украины, на украинскомъ языкѣ, П. А. Кулиша, подъ заглавіемъ *Вигівщина*. Начало ея вышло особю книжкою, подъ заглавіемъ: *Хмельніщина*.

СВІЙ ШЛЯХЪ.

Ой волі мої круторогі,
Та звертайте изъ дорогі.
Гей, волі, собь-собь!

Ой собь, волі половії,
Да не старі — молодії!
Гей, волі, собь-собь!

Нуте разомъ, мої дужі,
Вилізайте изъ калюжи!
Гей, волі, собь-собь!

Кінець шляху вамъ чужому,
Станемъ заразъ на своєму.
Гей, волі, собь-собь!

На нашому шляху сучо,
Не істимуть тамъ васъ мұхи.
Гей, волі, собь-собь!

Попасу васъ на роздолі,
На козацькімъ ріднімъ полі.
Гей, волі, собь-собь!

Ще й напійтись дамъ водиці —
Не зъ болота, а зъ криниці.
Гей, волі, собь-собь!

Нуте жъ разомъ, мої дужі,
Вилізайте изъ калюжи!
Собь, волі, собь-собь!

Ө. Бойчукъ.

НАСТУСЯ.

ПОЭМА.

(1648).

Ивану Филиповичу Хмельчевському.

*Якъ съ тобою ми зустрілись
На шляху широкімъ,
Ти заглянувъ міні въ дѣшу
Своїмъ добримъ окомъ*

*И порадивъ мене щиро,
Куди прямувати...
Довго йшовъ я, та й прибѣвля
До рідної хати.*

*Не пійдѹ я дальше хати,
Мій коханий брате;
Бѹду въ хаті я співати,
На бандурі йграти.*

Ой чи вт насъ же вт рідній хаті
Нічого згадати,
Нічимъ тугу розігнати,
Вібру духъ підняти?

Наша хата була здавна
На всімъ світі славна, —
Съ того давна, якъ вітала
Короля Степана.

Убіралась наша хата
Пішними квітками;
Обливалась наша хата
Кривією и слезами.

Вилітали зъ неї вт поле
Орли за орлами;
Обгортали нашу хату
Литвини зъ Ляхами.

Обгортали, та втікали
Усіма шляхами
Передъ нашими шаблями,
Довгими списами.

Нашу хату Турки и Німци
За морями знали;
Вт нашу хату зъ усіхъ земель
Подарунки слали.

Було гучно, було бучно,
Та вставъ братъ на брата, —
Ой замовкла, похилилась
Наша рідна хата.

Ой німје, ой сумје
Наша вбога хата,
Що багатий одцурався
Убогого брата.

Задзвонить же въ німій хаті,
Бандурний струни!
Роскривдйтеся святій,
Предківські тріни!

Оживі, красо дівоча,
Въ кобзарському серці!
Нехай серце усміхнеться —
И слізки залетця.

Оживі, козацька славо,
У бандурнихъ струнахъ, —
Нехай предки звеселятця
У забутихъ трінахъ;

Нехай мовлять живе слово
На всю Україну —
И зовуть усю родину
У сімтю єдину.

Ати, друже мій Іване,
Прийми мою дяку,
Що колись порадивъ щиро
Менé середъ шляху.

За порáдою твоєю,
Я прибувсь до хáти, —
Гóди по світу блукáти,
Дорóги питáти!

ЗАСПІВЪ ДО ПОЭМИ.

Нехай місяць изъ зор'ями
Дивитця у воду,
А я гляну — задивлюся
На дівочу врѳду.

Любо місяцю зъ зор'ями
Въ воду виглядатись:
Мині любо дівочою
Красою впиватись.

Любо місяцю зъ зор'ями
Въ воду поринати:
Мині любо въ дівочеє
Сѳрце прозирати.

Нема́ лѳпшого на небі
Надъ зѳрю въ погѳду:
Нема́ крѳщого на свѳті
Надъ дівочу врѳду.

Нема́ вѳду пишнѳйшого
Надъ зѳрі въ пѳвночі:
Нема́ дѳва дивнѳйшого
Надъ сѳрце дівоче.

ПІСНЯ ПЕРВА.

I.

Уроділася Настўся —
Любо подивітись,
Изъ личенька рум'яного
Хочъ воді нап'їтись.

Уроділася Настўся —
Сєрце голубїне...
Хто жъ то єї кохатиме,
Якъ мати дитину?

Роспушў крилаті дўмки
По всій Україні —
Немá пáри статєчної
Кохавій дівчині!

Немá сєрця ласкавого,
Ні тїхої мови
До любого залищїння,
Дружнєї розмови!

Шкодá, шкодá чорнобрївця
По степáхъ шукáти,
Щобъ зъ рóжею садовою
Докўпи звязáти!

По Вкраїні огні горять,
Підъ нєбо сягáють;
Потягнўло степі димомъ,
Крюкї вь димў грають.

Поміжъ бáлокъ Жóвті Вóди ¹
Крóвью червоніють;

По городáхъ обгорілі
Дворища чорніють.

Повкладáлась середъ поля
Шляхта спочивáти;
Похожають въ пiшнихъ шáтахъ
Козакi чубáті. ²

II.

Прoцвітає въ садú квіткa...
О тра́во висóка!
Закрий ii, сховай ii
Відъ людського óка.

Нехай ёi сонце стiха
Свiтомъ обливáе;
Нехай бжiлка, Бóжа втiха,
Надъ нею лiтає.

Нехай ёi зóрi крóплять
Чистою росóю...
Не довго iй пишáтися
Своєю красóю.

Не сховає фiлiстая
Пiшноi квітiни:
Не заступить старá мáти
Любоi дитiни.

III.

Ой у вдовi Обушiхи
Сiни на помóстi.
Наiхали до вдiвоньки
Козáченьки въ гóстi.

Молодіі до присінокъ
Кониченьківъ вѣжуть,
А старіі господіні
Добрі-вечірѣ кажуть. ³

»Добрі-вечірѣ, паніматко,
У твою світлицю!
Нехай Богъ святий изъ неба
Назира вдовіцю.

»Пізнавай гостей незваныхъ,
Чесна господіне,
Що здалека завітали
До тебе въ гостіну.

»Чи забула, паніматко,
Той весілий вечірѣ,
Якъ ми съ твоімъ Опанасомъ
Велі дружні речі, —

»Дружні речі таємнічі
Про козацьку зраду,
Що хотіли відомстити
Шляхті за неправду?

»Чи забула, паніматко,
Той ранокъ понурій,
Якъ ти въ військо виряжала
Волівні хури?

»Обушіхо паніматко,
Сізая орлице!
Не дурно ти злила слізки
Новую світлицю.

»Тобі серце говорило
Про козацьку долю:

Віросли нові могили

По чистому полю!

»Що въ Кумейкахъ, въ Боровиці

Задёржалось сіли,

Те въ Сулі зеленолугій

Ляхи потопили.

»Потопили полохливихъ,

Завзятихъ напали,

Постріляли, порубали,

Кіньми потоптали.

»Пішла туга по Україні

Одъ хати до хати,

Та не вмерла съ того жалю

Козацькая мати.

»Вона сіріть на отечки

Могили водила,

Якъ вставати, воювати —

Піснею учила.

»И кривавимъ слідомъ діти

Въ степі простували,

Безъ гарматъ на Жовтихъ Водахъ

Ворогівъ стрічали.

»Добували козачата

У шляхти гармати...

Помолодшала старенька

Козацькая мати.

»Зазивала пішну шляхту

Підъ Кірсунъ въ гостину... ⁵

Про ту учту слава трубить

На всю Україну.

»Панімátkо Обушихо,
Сізаа орлице!
Знай же й ти про сла́вну́ ў́чту
У своїй світли́ці.

»Ой твогó ми Опанáса
Дóбре помина́ли:
Пі́шну шля́хту, якъ тихъ ра́ківъ,
Рука́ми побра́ли.

»Приві́тай же насъ, якъ ма́ти,
Че́сна господа́не:
Ми съ Ко́рсуня простува́ли
До те́бе въ гости́ну.»

IV.

Гу́чно, гу́чно у світли́ці
Батьки́ розмовля́ють.
Лю́бо їх сини́ Насту́сю
Въ підда́шші віта́ють:

»Ой дівчи́но, дай намъ, се́рце,
Води́ці напíтись.
Го́ді зга́гою у по́лі
Козака́мъ томíтись!

»Неха́й шля́хту добива́ють
Яструби́ дзюба́ті;
На́ша вті́ха — ка́рі о́чі,
Чо́рні брове́нята.»

Хи́лить віте́рь, хи́лить бу́йний
Въ дубро́ві квіти́ву:
Ва́блять ре́чі молоді́і
Вродли́ву дівчи́ну.

Исхиляютьця въ дуброві
Верхі изъ верхами:
Иззираютьця въ розмові
Очі изъ очами.

То заграє, то зانیє
Сэрце голубине...
Стережися, Настусенько,
Лихої години!

Схаменися, не дивися
На козацьку вроду;
Иди лүчче зъ мосту кінься
У холодну воду.

Тамъ до сүду плавать будешъ
Тїхими ночами,
И козацтво необачне
Вабити речами.

Тамъ, русалкою, сміятись
Будешъ изъ кохання,
А тутъ, щіро покохавши,
Звянешъ въ безталанні.

Шкодa квітку одъ лихої
Бүрі закривати:
Мүсить бүря зъ неї пішне
Лістя обірвати.

Процвітайте жъ и зникайте
Квітками, дівчата:
На те родить васъ, сердешнихъ,
У бóлістяхъ мати.

Процвітайте, не впиняйте
Сэрденько кохати.

На те ва́ми, що зоря́ми,
Любу́етця ма́ти.

Процвіта́йте и намъ да́йте
Ва́шихъ чаръ напíтись:
Ті́льки й ща́стя на сі́мъ сві́ті,
Що на васъ диві́тись.

ПІСНЯ ДРУГА.

I. 6

Ой да́вно бу́ла —
Въ непа́м'ять пішла́ —
Нещасли́ва го́діна,
Що коза́цькою
Кро́в'ю свято́ю
Червони́ла Вкраї́на.

Ой би́ли Ляхи́
На́шихъ коза́ківъ
Одъ Дні́стра до Ста́риці,
По всі́хъ города́хъ,
Се́лахъ, ху́торахъ
Голоси́ли вдови́ці.

Ой бу́ла, бу́ла
Глибо́ка Су́ла
На́шимъ тру́помъ зага́чена.
По́льщі служи́ли —
Шля́хті годи́ли,
Тамъ за все намъ запла́чено.

II.

Покидали наші
Волівні хури,
Манівцями та терніами
По домáхъ сипну́ли.

Покидали въ лóзахъ
Спіжові гармати,
У безлюдний степъ Москóвський
Му́сили вті́кати.

Покидали въ ба́гнахъ
Вороні́і ко́ні;
Сла́ли світи черезъ ба́гна,
Вті́кали 'дъ погóні.

III.

Тільки Дмі́тро Гúня ⁷
На Сулі зоста́вся
Міжъ Суло́ю и Славу́томъ
Ва́ломъ обко́пався.

Бився Дмі́тро Гúня
Пять неді́ль зъ Ляха́ми.
Не загі́не ёго́ сла́ва
Помі́жъ козака́ми! ⁸

Бився Гúня, бився,
На сі́лі знемі́гся;
Похи́ливши коро́гóвки,
Съ По́тоцькимъ ми́рився.

Сумно наші́, сумно
По домáхъ верта́лись,
Що бра́тіі їхъ надъ Суло́ю
Спа́ти повкла́дались.

IV.

И ти, Опанáсе,
Хорóбрый Обúше,
Середъ бою кривáвого
Оддáвъ Бóгу дúшу.

»Поміраю, брáття,
За рідну Вкраїну, —
Ой пригледьте вдову мою
И малу дитину.

»Ой Морóзе дру́же,
Мій назвáний брáте!
Назипра́й орлинимъ о́комъ
Спирітськую хáту.

»Не попусти́ шляхті
Надъ нею глумітись,
А я бúду на тімъ світі
Бóгові мо́литись,

»Щобъ пзнóвъ воскресла
Козáцькая сíла
И шляхéцькимъ кля́тимъ трúпомъ
Дніпрó загати́ла.

»Маешъ сiна, брáте,
Я — дочку́ єди́ну;
Якъ дійдуть літь, исвару́й їхъ,
У добру го́дину.

»Нехай кровъ Морóзівъ
Зъ моєю зілетця;
Звеселітця на тімъ світі
Гіркé моє сéрце.»

V.

Десять рікъ минуло
Після того бою,
Якъ Опанась надъ Сулою
Полігъ головою.

Щіро на тімъ світі
Бóгу вінъ моли́вся,
А старій Морóзъ изъ сіномъ
По коми́шахъ крився.

Нево́лею на́шимъ
Ляхи́ миръ дава́ли;
Роспу́стивши по до́мівкахъ,
По оди́нцю бра́ли.

Бра́ли, заки́дали
У замко́ві гли́бки;
Не ставало́ вь нихъ кайдани́въ,
Забива́ли вь ди́бки.

Ой дубо́ві ди́бки,
Зали́зні кайдани́!
По сте́пахъ вь, по коми́шахъ
Нашихъ розгана́ли.

Розлі́тались різно
Орли́ сизокри́лі,
Молоди́хъ орля́тъ на здо́бичъ
Налі́тати вчи́ли.

До́бре жъ вони́, до́бре
Ви́махали кри́ла,
По́ки зно́ву Украї́на
Бу́нтомъ заки́піла.

Добре жъ вонї, добре
По степáхъ шугáли, —
Роспорóшене козáцтво
Докúпи склнкáли.

Триста кóней зъ дóму
Зъ Гúнею втíкáло; ⁹
Три тíсячі до Богдáна
У Сíчъ прибувáло.

Дві сóтні зъ Морóзомъ
По Днiпрú спускáлось:
Дві тíсячі съ Турéщини
До Сíчи вертáлось.

Вернúвсь Гúня съ пóля,
А Морóзъ изъ мóря, —
Розли́лсь по Вкраїні
Козáцькая вóля.

VI.

»Ой ти, славний Гúне,
Дру́же мій єдинний!
Давъ намъ Госпóдь обня́тися
На вóльний Вкраїні.

»Дóбре послужíла
Намъ старáя сíла:
Утíкала відъ насъ шлáхта
Штані́ погубíла. ¹⁰

»А тепéрь, мій дру́же,
Прoшú тебé дúже:
Íдьмо — сiновi мо́єму
Зна́йдемо подрúжже.

»Кажуть, въ Обушіхи
Дочка — якъ калина.
Ой то жъ синові моєму
Названа дружина.

»Попарѹемъ дітокъ,
Молодїхъ орлятокъ,
Та й засїдемъ по пасікахъ
На весь лїтъ остатокъ.

»Нехай свїжимъ цвїтомъ
Земля процвітає,
А ми будемъ молитвами
Добувати раю.

»Нехай рідъ нашъ родить,
Ворогамъ на лихо,
А ми собі, дідуючи,
Повміраємъ тихо,

»И будемъ дивїтись
Изъ Божого раю,
Якъ нашъ рідъ лукаву шляхту
Підъ корїнь рубає.»

VII.

Добре діди сїві
Міжъ себе рядїли,
Щасну долю молодїмъ судїли;
У святї недїлю,
Въ обїдню годїну,
Въ Обушіхи за столѡмъ сидїли.

За столѡмъ сидїли,
Покріпляли сїли
Изъ синами, гостьми молодїми.

Сини мовчязливі,
Батьки говірливі,
Мовъ голуби сіві-буркотливі.

»Обушихо нене!
Сідай біля мене,
Обізвѣтця Гуня довгоусий.
»Якъ ти горювала,
Дочку згодувала, —
Про все ти намъ розказати мусишъ.

»Одъ твоєї хати
Неси тої шляхти
Не змогли ми, нене, одганяти:
Зъ малими синами
Лугами, тернами
Одъ напасти мусили втікати.

»Диво, дивне стало —
Недобитки встали,
Та й задали Ляхамъ прочухана;
А ще намъ дивнїйше,
Що вдовина криша
Десять рікъ напасти не дознала.

»Ой хочъ одъ напасти,
Кажуть, не пропасти,
Та не дай нікому знати її, Боже!
Атò жъ то вдовіці,
Мавши у світлиці
Любу доню, що в городі рожу!«

VIII.

— »Козаченьки, батькі мої,
Крилаті орлі мої!
Козаченьки-небожата,
Молоді мої орлята!
Такъ судила Бóжа во́ля,
Щобъ давила насъ недо́ля,
Щобъ шляхецька своя-во́ля
Гна́ла насъ изъ ха́ти, съ по́ля,
Нашъ достáтокъ забира́ла,
Нашъ насúшний заи́дала,
Нашихъ дітокъ-малолітокъ
Зъ до́брого пу́тя збива́ла.
Та не всіхъ же хи́жа си́ла
Людодіствомъ застраши́ла,
Не всімъ о́чі засліпи́ла,
Не всімъ се́рце задави́ла.
Не задáвить то́му се́рця,
Чий ри́дъ зъ да́вности веде́тця,
Хто, якъ пта́шка, съ клі́тки рве́тця,
Чия́ кровъ лила́сь и млетця
За Вкраї́нське ща́стя-до́лю,
За святú наро́дню во́лю...«

Пі́льно слúхавъ сівий Гу́ня
Зъ Морóзомъ ззира́вся:
До́бримъ сло́вомъ бі́льшъ, ніжъ ме́домъ
Соло́дкимъ впи́вався.
А мото́рна госпо́діня
Кúхлiвъ доли́ває,
Медовú кипúчу си́лу
Сло́вомъ заправля́є:

IX.

»Одъ Припети до Синюхи
 Вславили себе Обухи,¹¹
 Та й не злѣтомъ рабѣванымъ,
 Не гонѣромъ купѣванымъ,
 Не гербѣми-клеинѣдами,
 А своїми пригѣдами.
 Вони вѣ полі воювали
 И вѣ неволѣ бѣдували;
 Вони вѣ мѣкахъ жартували,
 Жартѣмъ серце гартували.
 Щѣ ми чѣли, не забѣли, —
 Тимъ же слѣдомъ прямували.
 Була бѣря — хилилися,
 Було лихо — молилися,
 Було горе — горювали,
 Та правдѣнюку шанували.
 Вѣ кого срѣбло, вѣ кого злѣто
 Та шляхѣцькѣи клеинѣди,
 А вѣ насъ правда, права воля —
 Найлюбѣйша вѣ свѣтѣ дѣля.
 Згине срѣбло, згине злѣто,
 Занедбѣютця клеинѣди,
 Тѣльки правда на Вкраїнѣ
 По вѣкѣ вѣчний не загине,
 Тѣльки правда, права воля
 Бѣде всѣмъ жадана дѣля...«

Похитали головѣми

Сѣвими старѣи:

»Ой слѣхайте та навчѣйтесь,
 Дѣти молодѣи!

Такъ намъ прадіди мовляли,
Одъ пращурівъ чівши, —
Не глухє вь насъ було сєрце,
Не глухіі ўші.»

Х.

—»Що змогли, Ляхи зь насъ драли,
Худібоньку забірали,
Наші бжóли піддирали, ¹²
Наші ниви продавали,
Бідніли насъ постóями,
Харчуваннямъ, напо́ями. ¹³
Де насъ люде шанували,
Тамъ вони зь насъ глузували,
По-шляхєцькій гордували,
По-збоєцькій жартували.
Якъ ви вь полі стáli лўка,
Стála дóма жінкамъ мўка.
Якъ ви вь полі стáli óрця, ¹⁴
Не бачили жінки сóнца.
Ой не знáli жь ми одради,
Опрічъ прєдківської правди.
Ой не мали жь ми поради,
Ні науки, опрічъ правди.
Мовъ свята небєсна сила,
Вона сєрце намъ живіла,
Якъ на світі жити — вчіла,
Одъ напасти бороніла.
Була бўря — хилилися,
Булó ли́хо — молилися.
Хилилися, та й не впáli;
Молилися — во́лі ждали.
Ой дождались — изорну́ли
Сь того пєкла, де тону́ли.
Ой що насъ по-вóвчий рвали, —

Вовчимъ слѣдомъ повтікали.
 Ой що кровъ живую ссали, —
 Власнихъ скарбівъ одбігали.
 Що надъ нами насміхались, —
 Самі слізки обливались. ¹⁵
 Все жъ то правда поробила,
 Наша прѣдківська сила,
 Зъ давнихъ давентъ завіщана,
 Награда намъ обіщана
 Замість срібла, замість злота,
 Замість гонору-клейнодівъ...«

Стрепенулись діди сіві
 Одъ живого слова:
 Розогріла старе серце
 Гарячая мова:
 »Такъ, паньматко рідна сестро!
 Дякуемъ за мову!
 Віпьемъ жъ за нашу правду,
 Народною основу!
 Наливай намъ кўхлі повні
 Медомъ, п'янимъ-чоломъ; ¹⁶
 Нехай въ серце радість летця
 Съ твоімъ любимъ словомъ!«

XI.

—»Козаченьки, батьки мої,
 Крилаті орли мої!
 У васъ очі прозірливі,
 А въ насъ душі покірливі.
 У васъ рада середъ поля,
 А въ насъ дома — ваша воля.
 Ви б'єтєся, — ми ч'ємо,
 По домівкахъ бід'ємо,
 Бід'ємо, працюємо,
 Маліхъ дітокъ доглядаємъ, —

Доглядаємъ, въ чисте серце
Правду, воленьку вливаємъ, —
Доглядаємъ, годүємо,
Підмогу вамъ готүємо.»

—»Золоті у тебе уста!«

Ще Гүня озвався.

»Знавъ Обүхъ, де въ світі щастя,

Якъ съ тобою брався.

И щаслива, певне, буде

По-вікъ того дόля,

Кому судитця подружжямъ

Люба твоя дόня.»

А у доні горить личко,

Що въ лүзі калина:

Передъ нею — Морозенко,

Гарний, якъ картина.

»Ой закрій же мене, нене,

Нехай вінъ не знае,

Якъ серденько треңечетця,

Мліе-омліває!«

XII.

—»Козаченьки-небожата,

Молоді мої орлята!

Поки віросли въ васъ крила,

Рідна мати васъ учила, —

Ой учила, наставляла,

Правихъ прѣдківъ споминала.

Що ви чули, не забули, —

Тимъ же слідомъ полинули.

Козакүйте жъ, процвітайте,

Та й намъ слави уділяйте.

Козакүйте жъ, прославляйтесь,

На насъ любо оглядайтесь.

Якъ до насъ ви завітали, —

Мовъ зъ могíли ми устáли.
 Якъ до насъ ви налетíли, —
 Нáче свíтъ намъ освiтíли.
 Ой свiтíть же по свiтлицi
 Бiдолáшнiй удовицi;
 Мéдомъ кúхлi исповнiйте,
 I мýжа споминáйте.
 Пiйте пiво, iжте стрáву,
 Споминáйте ёго слáву.
 Ой нашъ рiдъ ведéтця здáвна;
 Нáша слáва здáвна слáвна;
 Нáша прáвда здáвна прáва, —
 Чiста, слáвна нáша слáва!«

П. Кулiшъ.

Третью пiсню поеми надрукéмо въ *Оснóвi* за мiсяць Ноiбрь.

Ред.

ПРИМѢЧАНІЯ КЪ ПОЭМѢ »НАСТУСЯ«.

1. — Стр. 5, ст. 25.

Поміжъ балокъ Жовті Води

На рѣчкѣ Жовтихъ Водахъ козаки впервые разбили коронное шляхетское войско. Рѣчка эта дѣйствительно протекала по степнымъ долинамъ, балкамъ. Теперь ова, говорятъ, изсыкла.

2. — Стр. 6, ст. 6.

*Похожаютъ въ пішнихъ шатахъ
Козакі чубаті.*

Одѣться въ платье побѣжденнаго врага считалось у козаковъ рыцарскою честью. Это видно и изъ думъ народныхъ, какъ напримѣръ:

Чоботи Татарські истягавъ,
На свої козацькі ноги обувавъ;
Одежу истягавъ,
На свої козацькі плечі надівавъ;
Бѣрхатний шликъ издїймає,
На свою козацьку голову надіває.

Современный лѣтописецъ говоритъ, что когда козаки-сермяжники возвращались съ походу на Поляковъ, то, одѣтые въ добычныя одежды, съ высоты казались массами движущихся цвѣтовъ.

Эпитетъ *чубаті* взятъ изъ народной думы:

Що не видно чубатихъ
Не то по степяхъ,
Не то й по лугахъ...

3. — Стр. 7.

Форма этого куплета взята изъ народной пѣсни:

Приіхало до дівчини
Два козакі вгості.
Одинъ стоить коло сіней,
Коніченька віже;
Другий стоить підъ віконцемъ,
Добрий-вечіръ каже.

4. — Стр. 8, ст. 3.

Що въ Кумейкахъ, въ Боровиці

Подъ Кумейками и подъ Боровицею, ниже Канева, близъ Мошенъ, казаки были разбиты Потоцкимъ въ 1637 году. Въ слѣдующемъ году было новое возстаніе и новыя пораженія козаковъ надъ Сулою.

5. — Стр. 8, ст. 28.

Підъ Кóрсунъ въ гостіну...

Угощеніе состояло въ кровопролитной битвѣ, которая была напередъ хорошо соображена, обезпечена засадами и потому окончилась рѣшительнымъ пораженіемъ шляхты.

6. — Стр. 6.

Въ I-й и II-й строфахъ дѣло идетъ о первыхъ козацкихъ войнахъ и потомъ о пораженіи козаковъ въ 1638 году, когда гегманъ Острянинъ бѣжалъ съ *комо́нникомъ* въ Московскія стѣны.

7. — Стр. 12, ст. 13.

Тільки Дмитро Гу́ня

Слѣдовало бы напечатать Дмитро; но народъ говоритъ и Дмитро. Напримѣръ, въ пословицѣ: *До Дмитра дівка хитра, а після Дмитра, якъ стріне собаку, то й нитіє*: «Чи не въ старості ви, дядюшка, йдете?» Т. е. невѣста переборчива до тѣхъ поръ, пока минуетъ время сватовства, опредѣляемое осеннимъ праздникомъ св. Дмитрія.

8. — Стр. 12, ст. 19, 20.

*Не заігне ёго сла́ва**— Поміжъ коза́ками!*

Неудачная война Острянина была искуплена Гунею, который, оставшись только съ иѣхотою, выдержалъ продолжительную осаду соединенныхъ силъ Потоцкаго и князя Іереміи Вишневецкаго. Онъ доказалъ, что доведенные до отчаянья казаки страшнѣе для короннаго войска, нежели во время великихъ надеждъ своихъ. Войны Острянина и Гуни, равно какъ и Павлюка, до сихъ поръ мало намъ извѣстны. Мы ожидаемъ съ нетерпѣніемъ окончанія новаго труда Н. И. Костомарова — подробнаго изображенія времени, предшествовавшаго Хмельницинѣ, которымъ трудомъ нашъ несравненный историкъ запялъ въ настоящее время. Чтобы дать читателямъ понятіе, до какой степени можетъ быть интересна художественно обработанная повѣсть объ этомъ періодѣ, приведу небольшой эпизодъ изъ неизвѣстной еще лѣтописи Лукомскаго, писанной въ 1770 году и сообщенной мнѣ М. В. Юзефовичемъ. Немногіе читали *Diariusz Okolskiego*, откуда заимствованъ лѣтописцемъ этотъ эпизодъ, потому что эта драгоцѣнная книга составляла большую библіографическую рѣдкость и появилась только недавно въ обширномъ собраніи историческихъ матеріаловъ: *Biblioteka Polska*.

«Гетманъ Потоцкій (говорить Лукомскій со словъ Окольскаго, очевидца войны) крайне на томъ постановилъ, чтобы козаковъ — — перемѣнными хорунговъ непрерывно доставать, на нихъ наступать и вылазки дѣлать до десяти дней, и притомъ близъ шанца нѣмецкаго сдѣлать батарею изъ дубовъ, а на верху оной изъ земли блокгаузъ, съ котораго съ пушекъ въ окопъ козацкій мочно бь было стрѣлять цѣльно, повелѣлъ. — — Козаки, усмотря, что реченая батарея и блокгаузъ поляками совсѣмъ сдѣланы и что изъ онаго блокгауза всѣ мѣста и лица ихъ въ окопѣ выдѣтъ не трудно, одни утѣкаютъ, другіе сквозь полское войско пробываться хотѣли, а чернѣ къ гетману объявление послали, что оны поддаться ему готовы; старшини жъ такой хитрости употребили. Юля 11 числа почтою отправили они нѣсколько козаковъ къ шанцу, состоящему близъ оной батареи, съ наставленіемъ, дабы они противъ нихъ лъстили такою рѣчью, будто они для словленія языка идутъ до окопу, и подъ тѣмъ прикрытіемъ дабы провѣдали, какой у поляковъ лозунгъ. Тѣ козаки, подъ выдомъ реестровыхъ (т. е. преданныхъ Потоцкому), въ обозъ къ нимъ же, реестровымъ, пришли, соглашались съ ними, какимъ образомъ языка достать въ окопѣ (Гуни), а между тѣмъ соглашеніемъ и о лозунгѣ провѣдали и оной къ своимъ принесли. Потомъ, съ часу полчасу, нѣсколкою десятками козаковъ засаду учинили и опять къ шанцамъ возвратились. Какъ же ихъ спрошено: кой лозунгъ? они съказали; а одинъ изъ козаковъ реестровыхъ спросилъ: достали ль языка? Они отвѣтствовали: и не одного достали. Между тѣми самими разговорами засадные козаки на разговаривавшихъ неосторожныхъ реестровыхъ нападши, нѣсколько десятковъ, тутъ же при нихъ нѣкоторую часть пѣхоты нѣмецкой высѣкли и выкололи. Къ тому жъ, намѣривая еще и оной батареей истребить, блокгаузъ разрушить и пушки изъ онаго искаты, и уже были на оной въздѣзли; но, какъ во всемъ обозѣ полскомъ окрикъ учинился, а поляки къ оному батареею сближаться начали, то оне козаки, чтобъ поляки ихъ не захватили, съ того батареи скакивая, спасенія своего шастьемъ искали. Въ тую жъ ночь учинилось въ полскомъ обозѣ великое замѣшательство, такое, что все войско чрезъ всю ночь при ружью стояло. Въ тое жъ ночное вѣремя козаковъ изъ окопу нѣсколько тысячъ въ обозъ полскій въскочивъ, многихъ поляковъ въ ономъ помертвили и въ окопъ съ побѣдою возвратились.»

9. — Стр. 15, ст. 3, 6.

Извѣстіе о бѣгствѣ Гуни съ тремя-стами козаковъ въ степи къ Остранину сохранилось въ рукописяхъ С. Петербургской публичной библіотеки. Николай Потоцкій, отъ 19 сентября 1639 года, съ официальною наивностію, уведомляетъ короля, что Гуня ушелъ *безъ всякой причины* (Hunia, który hetmanif swawolstwu przeciwko woysku WKM, y z kilka innych Principalow we trzech set koni do Ostranina do Moskwy, przez wszelky przyczyny, uciekl.) Поэма объясняетъ эти причины, на основаніи извѣстныхъ уловокъ магнатскаго полноправства въ Украинѣ.

10. — Стр. 15 ст. 23, 24.

Утікала відъ насъ шліхта,
Штані погубіла.

Изъ народной пѣсни объ Уманской рѣзні:
 Утікали Уманчики,
 Штані погубили.

11. — Стр. 19, ст. 1, 2.

Одъ *Пріплеті до Синіхъ*
Вславили себѣ Обухи,

Украинскій народъ не чуждъ понятій объ аристократизмѣ, но онъ до сихъ поръ держится коренного значенія слова *ἄριστος* (лучшій), не прибѣгая къ вышнимъ, искусственнымъ, механическимъ пособіямъ превосходства одного человека передъ другимъ. Самая слава имени соединялась въ его понятіяхъ не съ успѣхомъ, а съ значеніемъ дѣяній общественныхъ. Это всего ближе мы можемъ видѣть на Гонть, Ротовитъ и другихъ участникахъ Коліивщины, заклеянныхъ и до сихъ поръ клеймимыхъ даже со стороны людей Русскихъ названіемъ *разбойника*. Какъ поступаетъ у Квитки любящая дѣвушка, цѣлуя руки у грязнаго, опозореннаго колодника, такъ поступалъ Украинскій народъ, въ своихъ пѣняхъ и воспоминаніяхъ, съ тѣми, на кого онъ смотрѣлъ, какъ на мучениковъ народнои правды. Вотъ почему авторъ вкладываетъ въ уста Обухихи горькое воспоминаніе о предкахъ, которые прославились бѣдствіями и несчастіями. Упрекъ Пушкина: »Друзья минутнаго, поклонники успѣха«, къ нашему народу не относится. Были случаи, когда онъ въ пѣняхъ своихъ проклиналъ торжествовавшаго Богдана Хмельницкаго и называлъ *козачьими батьками* такихъ людей, какъ Зализнякъ и Гонта, которымъ печатная исторія (съ немногими исключеніями) отводила до сихъ поръ самое позорное мѣсто. Тотъ же самый народъ не отождествлялся ни единымъ словомъ сочувствія къ Мазепѣ, падшему якобы за Украину. Вообще его сердечная логика достойна изученія. Я только обращаю здѣсь вниманіе читателей на тотъ аристократизмъ нашего неграмотнаго (и слѣдовательно чуждаго грамотныхъ заблужденій) простолюдина, который выражается въ его бесѣдахъ и семейныхъ сдѣлкахъ словами: *чѣсний рідъ, дитина чѣсного рѣду*, и пр. Уваженіе къ богатству у насъ есть, но богатство вообще такъ заподозрѣно, что даже молодая чета, получивъ въ приданое рогатый скотъ, лошадей, овецъ, часто обращаетъ все это въ деньги, суевѣрно утверждая, что не пойдетъ въ прокъ добытое чужимъ трудомъ, а въ послѣдствіи покупаетъ на трудовые деньги другой домашній скотъ, и уже вѣруеть, что можно съ него разжиться. Этимъ объясняется отчасти и убожество нашего народа, и та странная для иностранца гордость въ убожествѣ, уваженіе къ самому себѣ въ крайней нищетѣ и равнодушіе къ обогащенію, которыя такъ часто можно еще и въ наше политикоэкономическое время встрѣтить въ Украинѣ. Что касается до понятія о честномъ родѣ, то своеобразный аристократизмъ этого понятія такъ силенъ въ нашемъ простонародьи, что простые козаки и вообще поселанки-невѣсты доступны у насъ только для немногихъ образованныхъ и богатыхъ паничей, которые бы вздумали на нихъ жениться. Тутъ останавливаетъ родителей и самихъ невѣстъ въ ихъ выборѣ не страхъ новаго положенія въ свѣтѣ, не стыдъ своего мужицтва, т. е. необразованности между дворянами, — вовсе нѣтъ. Народу нашему вѣчно чудится несчастье, неизбѣжно соединяющееся съ богатствомъ, приобрѣтленнымъ, какъ онъ выражается, *Боги єго знає, якъ*. Смыслъ этого страха тотъ, что, по его нелегко объяснимой логикѣ, человекъ — самъ

самъ по себѣ, а богатство — само по себѣ, и что смѣшивать эти понятія до нераздѣлимости для него такъ же дико, какъ смѣшивать вѣчное съ временнымъ, живое съ мертвымъ, несомнѣнное съ призрачнымъ. Такимъ образомъ и при своемъ аристократизмѣ, любящемъ углубляться въ область преданій, народъ нашъ остается глубоко демократическимъ: остается всегда и во всемъ *народомъ*, а не классомъ, выдѣляющимся изъ народа. Зная это по живымъ представителямъ простонародного Украинизма, мы легко можемъ понять, какъ это сынъ владѣтельнаго князя, какимъ *de facto* былъ Богданъ Хмельницкій, *de jure* былъ только реестровой козакъ, т. е. рядовой воинъ; какъ войны, подобные кошевому Ивану Сірку, по сложеніи съ себя войскового званія, были въ 'глазахъ народа' только простыми пасѣчниками, хотя ихъ знакомствомъ и дружбою каждый гордился; какъ въ уголовныя обвиненія противъ гетмана Самойловича (измышленныя канцелярскимъ умомъ Мазепы) внесены простолюдно жалобы козаковъ на то, что, прійдя къ нему, надобно было стоять у порога, и пр. и пр. На основаніи всего этого, я заставляю счастливаго и конечно обогатившагося побѣдителя Поляковъ, Мороза, вмѣстѣ съ прославившимся Гуною, относиться къ женѣ Обуха такъ, какъ-будто она вовсе не обидѣла и не унижена шляхтою до уровня служенія шумнымъ постояльцамъ-жолнерамъ, а ее самое — говорить съ гостями тѣмъ же языкомъ, какимъ говорила бы и жена гетмана Хмельницкаго. Мнѣ случилось входить въ короткія отношенія съ бродячими бѣдняками, лириками, кобзарями или просто нищими. Никогда я не замѣтилъ, чтобы они, во время предлагаемаго имъ гостепріимства, стѣснялись своею нищетою и ни-зостью своего положенія, или выражали лакейское уваженіе къ моимъ житейскимъ преимуществамъ. Гомеровскій Пріамъ въ шатрѣ Ахиллеса никакъ не былъ проще, естественнѣе и благороднѣе ихъ въ обращеніи. Благодарность свою они выражали даже съ какимъ-то милымъ для меня упрекомъ: *Тільки се й твоє, що ти своєю рукою подасі, а то все не твоє*. Видите, какъ у нашего народа актъ душевной дѣятельности отдѣляется отъ матеріала, который употребленъ для этого акта! Невольно приходитъ на мысль, во что оцѣнилъ Христосъ чашу воды холодной. Не смотря на то, что въ житейскихъ счетахъ за вещи она не стоить и самой дробной единицы матеріи, — въ области духа онъ дѣлаетъ незабвеннымъ дѣломъ актъ употребленія этой матеріи. Украинской народъ, относясь къ міру вещей и явленій жизни непосредственно, безъ той искусственности, которая у насъ часто выдается за усовершенствованіе жизни, — сохранилъ простой, здоровый взглядъ на исторію, на народное право, на достоинство личности человѣческой и на многое, о чемъ приходится намъ спорить съ учеными и неучеными кабинетными людьми. Само собою разумѣется, что не всѣ простолюдины и даже не очень многіе простолюдины могутъ служить намъ представителями того, что мы называемъ истинно украинскою народностію. Но въ томъ-то и подвигъ народоизученія, чтобы отличать главное отъ второстепеннаго, общее отъ частнаго, постоянное отъ случайнаго, внутреннее, самородное отъ вишняго, пришлого, самобытное, первоначальное отъ наброшеннаго извнѣ, по-дражательнаго, искаженнаго.

12. — Стр. 20, ст. 7.

Наші бжолі піддирали,

Въ печатающихся нынѣ Археографическою Коммиссією Актахъ Западной и Южной Россіи часто идетъ дѣло о заграбленныхъ или опустошен-

ных пасікахъ. Это показываетъ, что въ XVII столѣтіи пасіки составляли еще одну изъ главнѣйшихъ статей сельскаго хозяйства и промышленности. А *Летопись Самовидца* (стр. 7) иронически выводитъ изъ подобныхъ грабежей даже причину войнъ Богдана Хмельницкаго: «...натрапили (сказано въ чей) на чоловіка на одного, у котораго одняли пасіку, которая всій землі Польской начинила біди, а тимъ способомъ...» (и начинается повѣсть о самихъ войнахъ). Кстати обращу вниманіе читателей-специалистовъ на темное мѣсто въ современной рукописи одного шляхтича (приведенной мною въ примѣчаніяхъ къ *Дунайской Думѣ*), указывающее на какой-то неизвѣстный намъ грабѣжъ подстаростія Чанлиискаго: A co Oicowskich zdobyczy jedna beczka fantów zabitych wzięta kozakowi (очевидно, этотъ козакъ — Хмельницкій) od jednego Wkrainnego Podstarosciego, dla ktorey sto beczek krwi słacheckiey wylewało się...

13. — Стр. 20, ст. 9, 10.

*Бідний ти насъ постблями,
Харчуваннямъ, напоями.*

Въ универсалѣ своемъ гетманъ Острянинъ (*Записки о Южной Руси*, II, 297) жалуется всему народу, что начальники квартировавшихъ въ Острѣ жолнеровъ, Геродовскій, требовалъ отъ его отца доставлять для его, Геродовскаго, собакъ ежемесячно по три ведра творогу и по ведру масла, не говоря ужъ о томъ, что остерскіе козаки и мѣщане поставляли для корму самимъ постояльцамъ. Изъ этого можно заключить, съ какимъ горькимъ чувствомъ должна была вдова Обуха вспоминать о своей беззащитности послѣ неудачной войны гетмана Острянина. Самый стихъ: *Харчуваннямъ, напоями* взятъ изъ *Летописи Самовидца* (стр. 11), гдѣ говорится, что въ началѣ войнъ Хмельницкаго мѣщане должны были вступать въ козаки, чтобы освободиться «отъ побоевъ, напоевъ и кормовъ необычайныхъ».

14. — Стр. 20, ст. 17.

Якъ ви стали въ полі брця,

Выраженіе *стати брця* употребительно у черноморскихъ байдачниковъ. Это значитъ — повернуть байдакъ противъ вѣтру. *Поставъ брця!* говорятъ они другъ другу въ извѣстномъ случаѣ. *Стати лѣжа* — почти то же, что и *стати цѣпа*, т. е. воспротивиться какой-нибудь силѣ.

15. — Стр. 12, ст. 3.

Самі слізи обливались.

См. 12-е прим. къ *Дунайской Думѣ*.

16. — Стр. 21, ст. 21.

Мѣдомъ, пѣянимъ-чоломъ.

Медъ подъ названіемъ *пѣяне-чоло* упоминается въ известной думѣ о Гавжѣ Аядыберѣ.